

Маги начинают и выигрывают

ОЛЬГА БСКАЯ

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ
ВЕДЬМОЙ

Annotation

Вы думаете, ведьма — это персонаж сказки, сварливая женщина с крючковатым носом, насылающая беды на добрых молодцев? Так полагала и Ника, пока не оказалась студенткой странного вуза, расположенного в глуши сибирской тайги. Здесь ей предстоит освоить кое-что покруче обычных дисциплин, а главное, разобраться, какое отношение она имеет к артефакту загадочно исчезнувшего шаманского движения и почему три года назад погибла её сестра-близнец.

Помочь разгадать непростую загадку готов красавчик-однокурсник Никита. Хотя помощь его не бескорыстна — он хочет выиграть пари, приз в котором — поцелуй Ники. Вот только вопрос, как ему удаётся с завидным постоянством оказываться в нужное время в нужном месте. Неужели он тоже связан с тайнами, которые окружают Нику, и совсем не тот, за кого себя выдаёт?

Ольга Обская

Научиться быть ведьмой

© О. Обская, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пролог. Одно лицо на двоих

Как жить, если у вас на двоих одно лицо? Если твоя сестра точная копия тебя...

Ты думаешь, это весело? Прикольно? Конечно! Можно разыгрывать друзей. Ты говоришь кому-то, что ты — это не ты, а она, а на самом деле это все-таки ты. Смешно, правда?

Кому как. Вот он, стоит перед тобой. Парень, который нравился тебе с седьмого класса. Тебе и ей. Он говорит, что любит. Кого? Тебя или ее? Ты не знаешь, она не знает, и он не знает...

Думаешь, поможет, если ты будешь одеваться не так, как она? Скажем, сестра наденет юбку, ты — брюки, сестра — черное, ты — белое. Думаешь, поможет?

А если перекраситься? Сделатья блондинкой? Хотя бы тогда ты сможешь быть уверена, что вон тот симпатичный парень улыбается тебе? Именно тебе, а не ей?

А если тебя вдруг не станет? Кто-нибудь поймет, что не стало именно тебя? Экспертиза ДНК? Да, забыла сказать, кто не в курсе, — у близнецов абсолютно идентичная ДНК...

— Пап, а вот если я погибну... ну, вдруг, например, ты потеряешь сознание и машина врежется в столб... Как мама и все остальные поймут, что погибла именно я, а не Леся?

— Ника, что за глупости? — возмутился мужчина за рулем.

— Не глупости. Если ты тоже погибнешь, никто не поймет. Ведь так? Ведь только ты нас умеешь различать.

Мужчина вздохнул. Он думал, что успеет подготовить дочь. Должен был успеть, но все тянул и тянул, не знал, как к такому можно подготовить, не мог подобрать нужных слов. Но его умная девочка обо всем догадалась сама. И как это у нее получается? Он наклонился к самому ее уху и что-то прошептал, а затем надавил на газ и направил машину в столб...

Глава 1. Что в сейфе?

«Ну, сейчас начнется», — думала Вероника, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. Ее вызвали в кабинет ректора, а это означало неминуемую взбучку, потому что в Университете N7H25 еще никого не вызывали к ректору просто так.

Она шла не спеша — ей нужно было выиграть немного времени, чтобы придумать оправдание. Эх, если бы еще понять, о каком из двух проступков узнал Петр Иванович. Дернул же черт Веронику вчера вечером поспорить с этим выскочкой Никитой, что она сможет пробраться в кабинет ректора, когда тот уйдет домой. Стоило бы догадаться, что добром это не кончится. Пробраться-то она смогла и даже в качестве доказательства, что ей это удалось, взяла со стола Петра Ивановича горячо любимую им красную ручку с чернилами необычного серебристого цвета. Именно взяла, а не стырила — она собиралась показать ее Никите, а утром незаметно вернуть на место. Но вот незадача — ручка пропала.

Вероника, безусловно, догадалась, кто стянул у нее эту эксклюзивную канцелярскую принадлежность. Она не сомневалась — это был ее одноклассник, затеявший глупый спор и как всегда вышедший сухим из воды, умудрившись при этом вольно или невольно подставить напарницу по пари.

Как только Вероника обнаружила пропажу, а было это около часа ночи, она тут же попыталась проникнуть в соседний корпус студенческого общежития. На отчаянный подвиг ее толкала мысль: где еще, как не в своей комнате, мог припрятать ручку Никита. Вероника уже рисовала в своем воображении сладкие картины мести. Но ее планам подло помешали. Вахтерша, Зинаида Степановна, видимо, только делала вид, что дремлет. Стоило Нике попытаться влезть в окно холла, как бдительная старушка заорала во все горло:

— Воры!

И вооружившись первым, что подвернулось под руку, а именно шваброй, подбежала к окну, чтобы нейтрализовать преступника. Веронике пришлось ретироваться — резвой трусцой она помчалась в сторону своей общаги.

И вот он, итог глупого спора — сразу два нарушения: удавшаяся попытка несанкционированного проникновения в кабинет ректора и неудавшаяся попытка опять же несанкционированного ночного проникновения в чужое общежитие. Ни по первому, ни по второму случаю придумать какой-либо вразумительной отмазки у Вероники не получилось, кроме как глупо настаивать, что вышеперечисленные инциденты произошли без ее участия.

Пытаясь придать своему лицу выражение невинности, которое соответствовало выбранной тактике обороны, она подошла к кабинету ректора и решительно постучала в дверь:

— Можно?

Не успела Вероника просунуть голову в дверной проем, как к нему подскочил Петр Иванович. Лицо его было красным. Нет, скорее даже багровым. А еще точнее — лиловым. Лысина профессора была покрыта мелкой испариной, а остатки волос топорщились в разные стороны, делая непропорционально большую голову похожей на облезлого ежа. Ректор так судорожно втягивал воздух, что казалось, в его ноздри вместе с кислородом устремляется и близлежащая часть пространства. Схватив студентку за руку, он резким движением втянул ее в кабинет и быстро захлопнул дверь. Оказавшись внутри кабинета один на один с расвирепевшим профессором, Вероника на мгновение почувствовала себя

мышкой, перед носом которой голодный котяра ловким движением лапы захлопнул зловещий механизм мышеловки. Предательская дрожь прокатилась по телу Ники. Все понятно — Петр Иванович так взбешен, потому что уже знает об обоих ее проступках.

— Двинская, ты что натворила? — Ректор принялся снова по кабинету взад-вперед. — Ты хоть понимаешь, что теперь будет?

Этот неистовый вопль профессора, как ни странно, остановил волны дрожи, накатывающие на Веронику, и вернул ей самообладание. Она, конечно, догадывалась, что ректор будет в ярости от ее проступков, но не до такой же степени. Что значит «что теперь будет?» Да ничего не будет. Она заберет ручку у Никиты и вернет законному владельцу — вот и все.

— Что теперь будет? — голосом, полным безысходного отчаяния, опять повторил Петр Иванович, продолжая наматывать бессмысленные круги вокруг своего письменного стола.

Вероника попыталась включить логику, чтобы хоть как-то объяснить себе, почему профессор так убивается из-за ее, по большому счету, безобидных поступков, но логика в данной ситуации была бессильна — не за что было даже зацепиться. В обычном вузе, наверно, никто и внимания бы не обратил на такие проделки студента. Хотя, конечно, с обычным вузом их Университет N7H25 сравнивать было нельзя. Здесь дисциплина была превыше всего. За малейшие нарушения можно было угодить к ректору на ковер, а за серьезные — студента могли запросто отчислить. Такая строгость была продиктована необходимостью. Университет, со странной цифро-буквенной аббревиатурой вместо названия, выпускал особых специалистов. Профессорский коллектив вуза должен был быть уверен, что знания, которые студенты приобретут во время занятий, будут использоваться ими только по назначению, именно там, где нужно, и исключительно там, где можно. Наставники резонно считали, что любой, кто не способен быть дисциплинированным, строго и неукоснительно следовать университетским правилам, не может быть допущен к информации, работать с которой можно только по самым строгим правилам.

— Господи, что теперь будет? — чуть не плача повторил профессор и, наконец-то остановившись, бросил на студентку не столько свирепый, сколько измученный взгляд.

— Петр Иванович, это не я, — пролепетала невинным голосом Вероника, тут же испытав укор совести из-за этой глупой детсадовской отговорки.

— Что не ты, Двинская? — укоризненно покачал головой ректор. — Ты хоть понимаешь, что она пропала в самый неподходящий момент? Ты помнишь, какое сегодня число?

Вероника наморщила лоб. Далась профессору его ручка. Да купит она ему точно такую же или почти такую же, если Никита вдруг потерял эту сводящую ректора с ума канцелярскую принадлежность. И при чем тут сегодняшнее число? Конечно, девушка его помнила — 17 декабря, четверг. Ну и что? Что с этой датой не так? Может, у ректора в этот день какой-то юбилей и ему досадно, что ручку стащили накануне праздника?

— Петр Иванович, я не виновата... то есть я не хотела... в смысле, не думала, что так получится... — начала то ли оправдываться, то ли извиняться Вероника.

Профессор тяжело плюхнулся в свое массивное кресло и, отвалившись на спинку, прикрыл глаза. Девушке показалось, что ее взволнованный лепет сделал свое дело, заставив Петра Ивановича немного успокоиться и взять себя в руки.

— Вероника, присядь, — не открывая глаз, произнес профессор. — Глупо было отпираться. В моем кабинете стоят камеры видеонаблюдения.

Хорошо, что Ника уже успела пристроиться на стул, когда услышала про камеры — от такого неожиданного факта у нее бы подкосились ноги и будь она в вертикальном положении в этот момент, то неминуемо грохнулась бы на пол. Выходит, профессор был в курсе всех мельчайших подробностей ее походов в его кабинет. Черт! Значит, он знает не только про ручку. Тогда дела Вероники совсем плохи, ведь она умудрилась нарушить еще одно очень важное правило. За это нарушение ее отчислят из Университета без малейшего сожаления единогласным решением Совета профессоров. И даже Аристарх Вениаминович, всеми уважаемый преподаватель квантовой физики, любимицей которого была Вероника, не заступится за нее. Такого дерзкого и бессмысленного проступка никто не поймет и никто не простит.

Собственно, Нику погубило любопытство. Конечно, все студенты знали, что в кабине ректора есть сейф. Очень массивный, из сплава нескольких металлов, сделанный по самым передовым нанотехнологиям, с хитроумной сигнализацией и семью степенями защиты, в котором хранилось, по слухам, что-то очень важное. Каких только гипотез не строили студенты по поводу содержимого таинственного черного ящика! Кто-то считал, что там хранятся досье на всех студентов, кто-то был уверен, что там находится компромат на преподавателей, а некоторые считали, что утроба сейфа поглотила засекреченную диссертацию профессора. Как было Веронике устоять перед соблазном изучить содержимое закрытого легендами и хитроумным напылением ящика, когда она невольно узнала коды доступа ко всему, что запиралось в кабинете ректора. Открывая сейф, Ника надеялась, что никто и никогда не узнает о том, что ей не удалось сдержать своего любопытства, но из-за того, что она не догадалась про камеры видеонаблюдения, про этот ее грех теперь станет известно всем, и ее отчислят из Университета с позором.

— Петр Иванович, но сейф же все равно был пуст. — Вероника считала, что этот факт вполне может служить оправданием — ничего же страшного не произошло, никакой тайны она не узнала.

— Конечно, пуст! — со злорадством в голосе ответил профессор. — Его предназначение было выявлять таких вот недисциплинированных чрезмерно любопытных студентов, как ты. Чтобы знать, кого отчислять!

— Так вот в чем заключалась страшная тайна сейфа?! — с досадой воскликнула Вероника. Как же глупо она попала в ловко расставленную профессором ловушку.

Ника поникла — больше у нее не было аргументов в свою защиту. Ее зрачки расширились, заставив темно-синюю радужку сузиться в тоненькое колечко. В отличие от обычных людей, зрачки которых расширяются в темноте, у Вероники такую реакцию вызывал не только резкий перепад освещенности, но и резкий перепад настроения. Вернее, не перепад, а спад. Она очень явственно ощутила себя уже отчисленной. Предательские слезы стали подкатывать к глазам. Веронике не хотелось расставаться с Университетом N7H25, в котором она оказалась совершенно случайно, но который успела полюбить за полтора года, проведенных здесь.

После окончания школы у Вероники был план штурмовать вуз, где бы профессорами-преподавателями были ученые, ведущие передовые исследования в области экспериментальной и теоретической физики. Дело в том, что Ника была очень увлечена этой дисциплиной и собиралась получить образование, которое позволило бы ей самой стать светилом мировой науки. Она перелопатила гору информации и неожиданно остановила свой выбор на никому не известном Верхнетайгинском университете, который не числился

ни в одном справочнике для абитуриентов. Собственно, это Веронику и обнадеживало. Она считала, что вуз засекречен, потому что ведет революционные исследования, о которых лучше пока никому не знать.

Верхнетайгинск оказался крохотным научным центром, расположенным за тысячи километров от крупных мегаполисов, в глуши сибирской тайги. Городок сразу понравился Веронике. Маленький, уютный, окруженный со всех сторон многовековыми сосновыми лесами, он и состоял-то практически только из университетского кампуса.

Ника не сомневалась, что легко поступит в вуз, профильным предметом которого считалась физика — у нее были незаурядные способности к точным наукам. Однако перед вступительными экзаменами необходимо было пройти собеседование с психологом по профориентации, которого знающие абитуриенты серьезно побаивались. Вероника, сама того не подозревая, с треском провалила собеседование, цель которого поняла много позже. Но к счастью для Вероники и к несчастью для другой девушки с похожей фамилией, их результаты были перепутаны. Таким образом, любительница точных наук стала студенткой Верхнетайгинского университета N7H25, профильным предметом которого все же была не физика. Вернее, не только физика. Кроме обычных для любого технического вуза названий предметов в расписании, висевшем в холле Университета, красовались непонятные неискушенному взгляду аббревиатуры R0U3, Ko0, P31i и тому подобные. Собственно говоря, задачей так называемого психолога по профориентации и было выявить наличие или отсутствие у абитуриентов способностей к этим предметам, закодированным буквами и цифрами.

Веронике нелегко дался первый курс. Мало того что она умудрилась прославиться неоднократным нарушением дисциплины, так ее еще и чуть не отчислили за неуспеваемость по некоторым профильным предметам. Спасло Нику заступничество преподавателя по квантовой физике, который души не чаял в необычайно одаренной в области точных наук студентке. И, конечно, одногруппники, которым нравилась веселая и смелая вдохновительница всех самых безбашенных студенческих приключений, тоже не раз помогали Веронике выкрутиться из сложных ситуаций. В итоге всякими правдами и неправдами ей все же удалось сдать экзамены за первый курс не только по ее горячо любимой физике, но и по другим более экзотическим, но не менее горячо любимым профильным предметам.

Второй курс казался Веронике гораздо проще первого. Хотя некоторые дисциплины все равно давались ей с трудом, но она уже приобрела необходимые любому студенту для выживания в вузе навыки. Вот только не вестись на глупые споры она, похоже, так и не научилась. Когда Вероника случайно узнала код доступа в кабинет ректора, ее стало распирать от желания утереть нос выскочке Никите, возомнившему о себе бог знает что. Сказать по правде, Ника сама спровоцировала это пари, итогом которого будет сбита с Никитиной головы корона и отчисление из Университета недисциплинированной студентки.

Петр Иванович из-под полуприкрытых глаз наблюдал за волнами чувств, которые одна за другой накатывали на Веронику. Он специально сделал длинную паузу перед следующей своей фразой — хотел дождаться, пока студентку накроет с головой волна раскаяния. В общем-то, профессору нравилась эта умная и дерзкая девушка, но пора уже было ей повзрослеть. Петру Ивановичу хотелось, чтобы в сознании Вероники зафиксировалась эта особая минута, чтобы она прочувствовала горечь отчаяния до конца. Ректор надеялся, что встряска, полученная студенткой в его кабинете, пойдет ей на пользу, пробудит в ней то, о

существовании чего она сама не догадывается. Наконец заметив, что Веронике все сложнее и сложнее сдерживать слезы, Петр Иванович сжалился над ней:

— У сейфа было гораздо более важное назначение, чем ловить на горячем непутевых студентов.

— Как? — глупо переспросила Вероника, подняв на профессора до этого потупленный взгляд. От еле сдерживаемых слез она ощущала резь в глазах, но это не помешало ей заметить, что настроение Петра Ивановича кардинально улучшилось. Его волосы уже не топорщились в разные стороны, а аккуратно обрамляли лысину, как им и подобает. Лицо приобрело совершенно естественный оттенок, и глаза уже не сверкали, как раскаленные шаровые молнии. Кого-то могла удивить такая резкая смена внешнего вида и, соответственно, настроения ректора. Кого угодно, только не его студентов. Они знали, что их профессор может находиться только в двух дискретных взаимоисключающих состояниях: суперзлой и супердобрый, без каких бы то ни было промежуточных стадий. Веронике едва удалось сдержать вздох облегчения, когда она поняла, что профессор, как всегда скачкообразно, переместился в свое более удобное для нее расположение духа, — может, для Ники еще не все потеряно.

— В сейфе хранилась важная... — на этом слове Петр Иванович сделал многозначительную паузу, — ...очень важная информация. Из-за тебя она пропала.

— Почему из-за меня?! — горячо возразила Вероника. — Когда я открыла сейф, никаких документов там уже не было, кто-то взял эти бумаги еще до меня.

— Не перебивай, — насупил брови профессор, — а то снова вернусь в состояние... как вы там называете... суперзлой?

Вероника с трудом сдержала смешок — так ректор, оказывается, знает, какие байки ходят про него среди студентов.

— Не надо суперзлой, — с виноватой улыбкой попросила она. Ей вполне хватило предыдущих нескольких минут, когда профессор метал гром и молнии, чтобы навсегда расхотеть доводить его до такого состояния.

— Мне сложно пока объяснить тебе, почему именно ты виновата, что информация украдена. Эту тему вы будете проходить по предмету S9i6 на третьем курсе. Пока тебе придется принять мои слова на веру. Так вот, кто-то тобой воспользовался. Нам необходимо вычислить кто это и какие у него цели. И самое главное — вернуть документы. У нас с тобой на это всего две недели. Надеюсь, почему именно такой срок, тебе объяснять не надо.

— Не надо, — быстро ответила Вероника, хотя ни малейшего представления не имела, почему две, а не одна или десять, к примеру. Но злить своей несообразительностью Петра Ивановича она не решилась: вдруг он передумает брать ее в помощники, и тогда уж точно — прощай универ.

— Тебе надо проанализировать всю цепочку событий, которые привели тебя к дверце моего сейфа: от кого ты получила информацию о кодах доступа, кто спровоцировал тебя залезть ко мне в кабинет, кто мог знать, что ты собираешься это сделать, и так далее. Понятно?

— Да, — опять с молниеносной скоростью ответила Вероника и для убедительности утвердительно закивала с таким усердием, что густая копна ее каштановых с медью волос, собранная на затылке в хвост, выписала в воздухе замысловатую зигзагообразную кривую.

Это движение вызвало на губах ректора ироничную полуулыбку, которую Вероника расценила как добрый знак и решилась на вопрос:

— Петр Иванович, я правильно поняла — меня пока не отчисляют?

— Пока нет. Но если документы не будут возвращены в течение двух недель — можешь паковать чемодан. И еще одно условие: никто не должен знать ни того, что ты сделала, ни того, что я тебе сегодня сказал.

— Хорошо, — быстро согласилась Вероника. — Правда, нужно будет придумать, что отвечать, если меня спросят, по какой причине вы меня сегодня вызывали к себе. Никто ведь не поверит, что ректор хотел побеседовать с одной из студенток просто так на отвлеченные темы.

— А тут и выдумывать ничего не нужно. Вахтерша, Зинаида Степановна, уже и так всем рассказала, как бессовестная второкурсница Двинская пыталась пробраться к парням в общежитие через окно холла, но бдительный страж и его швабра не дали свершиться страшному преступлению.

Вероника мысленно чертыхнулась — вот уж действительно у вахтерши завидная профессиональная бдительность: вроде очки на носу, а Нику все равно как-то узнала.

— Вот скажи мне, Двинская, туда-то ты зачем полезла? Что, парень какой-то нравится?

Вероника невольно передернула плечами — господи, какую глупость сейчас сморозил Петр Иванович. Ну, во-первых, ей никто не нравился, а во-вторых, даже если бы нравился — она все равно ни за какие коврижки не полезла бы к нему. По мнению Вероники, наоборот, это парни должны лазить к девушкам через окно.

— Мне нужно было попасть в комнату к Никите Беляеву. У меня пропала ручка, которую я взяла у вас со стола. Я думаю, это он стащил ее у меня.

Профессор покачал головой:

— Твой проступок, получивший огласку благодаря Зинаиде Степановне, будет разбираться на завтрашнем заседании Дисциплинарного совета. Не думаю, что тебе это грозит чем-то серьезным. Но тебя вызовут на заседание, чтобы пожурить, а заодно спросят про причины поступка. Про ручку, которую ты бессовестным образом взяла у меня, говорить нельзя, так что придется тебе, дорогая, все-таки сделать вид, что ты влюблена в этого своего Никиту.

Вероника поморщилась. Профессор, заметив ее гримасу, строго сказал:

— И смотри, чтобы все было правдоподобно. Ты знаешь, кто входит в Совет — таких людей не так-то просто провести.

— Вот именно! Как же я смогу? — растерянно пожалала плечами Вероника.

— Сможешь. Это-то вы уже как раз проходили. Освежи-ка свои знания по предметам N7E1 и G9°9.

После этих слов профессор перевел взгляд со студентки на часы и добавил торопливо:

— А теперь иди. Первая пара вот-вот начнется. Будешь мне отчитываться каждый день обо всем, что тебе удастся узнать, по электронной почте. Темой письма указывай: «Вопросы повышения успеваемости по предмету R0Y1».

— Хорошо, — ответила Ника и, поднявшись со стула, направилась к выходу.

Уже открывая дверь, она услышала тихие слова, брошенные ей вслед:

— Вероника, тобой играют страшные люди. Будь предельно осторожна!

Глава 2. Семь положительных качеств

Вероника вышла из кабинета ректора и побрела по коридору в сторону аудитории № 12а. Первой парой сегодня была лекция по квантовой физике, и это было как нельзя кстати. Будет возможность обдумать хорошенько задание профессора, ведь преподавателя физики, Аристарха Вениаминовича, Вероника вполне могла себе позволить слушать вполуха.

— Ника, ты как? — завидев приближающуюся подругу, встрепенулась рыжеволосая девушка в трикотажном платице ярко-желтого цвета. — Наверно, сегодня суперзлой, да? Наверно, Дисциплинарным советом пугал?

— Пугал, — подтвердила Вероника, пристраиваясь за парту рядом с Наташей. — А ты что, уже знаешь, почему меня к нему вызывали?

— Все знают. Если Зинаида Степановна берется за дело — тут без вариантов. Но ты не расстраивайся. Помнишь, сколько было случаев несанкционированного проникновения парней в общежитие девчонок? Дисциплинарный совет смотрит на такие нарушения сквозь пальцы. Только я никак не могу понять, зачем ты-то к парням полезла?

— Представляешь, Наташ, все из-за этого придурка Никиты...

Веронике захотелось рассказать подруге всю историю от начала до конца: как встретила вчера вечером заносчивого одноклассника, как он ее в очередной раз разозлил своим высокомерием, как она решила ему доказать, что может сделать финт еще покруче, чем он, и так далее... но осеклась, вспомнив о своем обещании ректору. Это обещание сбивало ее с толку — она не могла понять, как ей вести себя с Наташей. Неужели Веронике придется врать даже самой близкой подруге?

— На спор, что ли? — догадалась Наташа. — Ника, ну ты неисправима. Вечно у тебя с этим Никитой какие-то пари. Дался он тебе. Догадаться поспорить с парнем, что сможешь пробраться к нему в общагу! Что может быть глупее?!

Версия, озвученная Наташей, показалась Веронике приемлемой. Она была чем-то близка к правде, и в то же время в ней отсутствовала информация, которой Ника пообещала ни с кем не делиться. Поэтому решено было не опровергать предположение подруги.

— Да я сама себе поражаюсь! Все, с этого момента зарекаюсь спорить с Никитой о чем бы то ни было. Тем более мне еще перед Дисциплинарным советом влюбленность к этому самовлюбленному ослу изображать.

— Зачем?

— Понимаешь, одно дело, когда девушку толкает на проступок возвышенное чувство, а другое дело, если она чудит из вредности, — пришлось слукавить Веронике.

— Слушай, правильная мысль, — похвалила Наташа. — Только как же ввести в заблуждение тех, чья профессия выводить людей на чистую воду?

Веронике не пришлось отвечать, потому что в аудиторию зашел Аристарх Вениаминович и полностью завладел вниманием Наташи.

— Молодые люди, надеюсь, вы помните, что завтра у вас контрольная. Сегодня на лекции мы разберем несколько типичных задач. Записывайте условие первой...

Студенты принялись старательно конспектировать слова преподавателя, а Вероника погрузилась в свои тревожные мысли. Ей предстояло придумать решение к совсем другим задачам, чем те, условия которых сейчас диктовал Аристарх Вениаминович. Первая — разобраться, кто мог взять документы из сейфа ректора, вторая — выкрутиться как-то перед

Дисциплинарным советом. На решение первой проблемы Петр Иванович отвел девушке две недели, а заседание Дисциплинарного совета уже завтра. Поэтому Вероника решила разбираться с проблемами по мере их срочности, а значит, начать со второй. Перед тем как лектор зашел в аудиторию, подруга задала ей очень правильный вопрос, ответ на который Нике совсем не нравился: обмануть Дисциплинарный совет невозможно. Ей поверят, что она влюблена в Никиту, только в том случае, если она на самом деле влюбится в него... ну, хотя бы на время заседания. Ректор, наверно, сам того не понимая, придумал для провинившейся студентки очень суровое наказание. Хуже для нее было только отчисление. И только под его угрозой Вероника смирилась с невыносимой для нее мыслью, что ей придется на время влюбиться в самого несносного одногруппника.

Итак, что ей там советовал Петр Иванович? Применить знания по предметам N7E1 или G9°9. Вспомнив о первом, Вероника невольно поежилась. Это была как раз одна из тех дисциплин, которая давалась ей с огромным трудом. Собственно, на лекциях по этому предмету студенты изучали препараты-психокорректоры избирательного действия, а проще говоря, приворотные и отворотные зелья.

«Профессор, что, намекал, чтобы я испытала зелье на себе? — с ужасом подумала Вероника. — Ну уж нет!» Она еще не забыла практические занятия по этому предмету. Хорошо еще, что приготовленные студентами препараты испытывались на лабораторных крысах. Но все равно, зрелище было незабываемым. Только у Никиты с первого раза получилось добиться от грызуна именно той реакции, которую ожидал преподаватель: милая белая крыска калачиком свернулась на ладони у парня и, нежно попискивая, терлась мордочкой о большой палец. У других студентов зверьки вели себя по-разному. Егора его подопечная вообще цапнула за ногу. Но после нескольких неудачных попыток и Егор, и другие одногруппники Вероники смогли сделать то что надо. Даже самые агрессивные животные становились после инъекции препарата послушными и чуть не выпрыгивали из клетки от радости, когда к ним приближался объект их симпатии. Но подопытный крысенок Вероники так и не проявил нужной реакции. При приближении незадачливой первокурсницы он забивался в дальний угол клетки и смотрел оттуда на свою мучительницу затравленным взглядом. «Элеонора Степановна, он меня на самом деле любит, просто мне достался очень застенчивый зверек», — объяснила Вероника неадекватную реакцию своего подопечного преподавательнице. Та, сжалившись над студенткой, поставила ей вместо неудачи три с минусом, мотивируя тем, что лабораторный крыс у Двинской хотя бы не кусался.

Воспоминания о первом курсе вызвали у Ники невольной смешок. Это заставило соседку по парте оторваться от конспекта и посмотреть на подругу с улыбкой. Вот что Наташе в Веронике нравилось — неиссякаемый оптимизм. Только что сидела чернее тучи, а уже хихикает.

— Что, придумала, как Дисциплинарный совет надуть? — шепотом поинтересовалась Наташа.

— Пока нет, но я над этим работаю, — ответила Вероника и снова нырнула в свои раздумья.

Итак, зелье отпадает безоговорочно. Значит, остается G9°9 — нейролингвистическое программирование, гипноз и самогипноз. Вероника попыталась вспомнить лекцию, посвященную применению этих методик к моделированию состояния гипертрофированно немотивированных чувств по отношению к объекту противоположного пола, а проще говоря, состояния влюбленности. В голове сразу всплыло два способа, о которых профессор

Станислав Станиславович поведал студентам на той незабываемой лекции. Вероника решила для начала испробовать первый, довольно простой — найти в подопытном объекте, то есть в данном случае в Никите, не менее семи положительных качеств, которые ты искренне считаешь замечательными. Раз в час на протяжении суток напоминать себе о них. И опаньки — через 24 часа ты влюблен. «Тут, главное, сразу после заседания Совета не забыть нужной методикой отыграть все назад», — мелькнула в голове Вероники правильная мысль. Остаться влюбленной в этого воображалу дольше часа было бы с ее стороны возмутительной глупостью.

«Семь положительных качеств... Что ж — приступим», — мысленно подбодрила себя Ника и перевела взгляд на подопытный объект, который, ни о чем не подозревая, сидел на соседней парте слева от Вероники и старательно писал конспект. «Пиши-пиши, — послала она безмолвную язвительную команду, — квантовая физика — это тебе не твои горячо любимые A9T91, B15u0, L5G1 и тому подобное». Никита хоть и имел по физике неплохие оценки, но давался ему этот предмет не так легко, как более экзотические профильные дисциплины. Стоп! А вот и первое положительное качество — ярко выраженные способности к предметам, которые были зашифрованы в расписании цифро-буквенными аббревиатурами.

«Неплохое начало!» — похвалила себя Вероника, которая в глубине души была уверена, что ей ни за что не найти аж целых семь положительных качеств у такого откровенного зазнайки.

— Ника, что ты там такого интересного в окне увидела? — решив очередную задачу, спросила Наташа. — Уже минут десять только в ту сторону и смотришь.

Сама при этом тоже повернула голову налево и даже шею вытянула, чтобы понять, что привлекло внимание подруги.

— Ух ты! — с восхищением выдохнула Наташа. — Какая красота!

Теперь уже и Вероника перевела взгляд с Никиты на окно, чтобы понять, что имеет в виду подруга.

А там за окном просто шел снег. Нет, не мелкая колючая крупа, которая сыпала с утра, а огромные пушистые хлопья, беззаботные и невесомые. Едва заметный ветерок медленно опускал их на землю, и было что-то завораживающее в их легкомысленной игре, непостижимые правила которой заставляли пушинки кружиться друг вокруг друга и плавно растворяться в нежно-синей пелене морозного дня.

«Действительно красивый снегопад», — мысленно согласилась с подругой Вероника и тут же чуть было вслух не воскликнула: «Красивый! А ведь это второе качество!» Ника снова перевела взгляд на Никиту, чтобы убедиться в правильности своего вывода. Да, парень был хорош собой, с этим не поспоришь. Знала Вероника парочку девчонок, которых с ума сводила его ослепительная улыбка и спокойный уверенный взгляд темно-серых глаз. «Точнее, САМОуверенный», — поправила Ника сама себя.

— ...а решение этой задачи нам объяснит у доски Лена Шмелева. — Голос преподавателя заставил вздрогнуть симпатичную соседку Никиты, которая, опустив руки под парту, самозабвенно строчила кому-то SMS. Студентка чертыхнулась и шепотом обратилась к одногруппнику:

— Никита, ты успел условие записать?

Сосед Лены незаметно поменял местами ее и свою тетрадки и прошептал в ответ:

— Уже и решил.

Девушка с благодарностью глянула на него прекрасными изумрудными глазами и, взяв с парты тетрадку с готовым решением, смело направилась к доске.

Вероника, наблюдавшая эту сцену, самодовольно хмыкнула: «Благодаря невнимательной красавице Леночке имеем еще одно качество. Назовем его... ну, допустим, надежный товарищ». Нике в данной ситуации больше хотелось употребить выражение «дамский угодник», но в такой формулировке новое обнаруженное качество переставало быть положительным.

«Так: умный, красивый, надежный — итого три, — подытожила для себя Вероника. — Что ж — процесс пошел. Пока получалось вполне неплохо. Надо сосредоточиться и попытаться найти оставшиеся четыре качества». Ника снова пристально посмотрела на Никиту — что же еще такого положительно можно в нем обнаружить? Она изучила его синие, ничем не примечательные джинсы, теплый черный реглан, который говорил о хозяине только то, что он не любит мерзнуть, и зимние ботинки на толстой подошве, тоже мало чем примечательные. Если бы студенты в этот момент не были так поглощены разбором задач предстоящей контрольной, то кто-то из них наверняка бы решил, что Вероника уже и так по уши влюблена в Никиту, ибо им сложно было бы по-другому объяснить бегающий вверх-вниз по парню взгляд Ники.

Видимо, сам Никита тоже в какой-то момент ощутил повышенное внимание к себе заядлой спорщицы, потому что вдруг резко развернулся к ней лицом и с самодовольной улыбкой уставился на нее. Да ладно бы просто смотрел — он вдруг достал из кармана красную ручку и начал крутить ее в руке:

— Случайно не за ней ты лезла сегодня ночью к нам в общагу?

— Убью! — сквозь зубы процедила Вероника.

Ее охватило такое дикое негодование, что только присутствие в аудитории уважаемого девушкой Аристарха Вениаминовича спасло Никиту от удара учебником по голове. И это было еще самое мягкое из того, что хотелось Веронике в этот момент сделать с выведшим ее из себя парнем. Выходит, предположение Ники было верным — ручку у нее стащил Никита. Если бы не этот его поступок, ее бы не застучала вахтерша со шваброй и ей не нужно было бы завтра присутствовать ни на каком заседании Дисциплинарного совета, и не нужно было бы пытаться влюбиться в этого чурбана. «Господи, дай мне силы не прибить его прямо здесь и сейчас». После этой мысленной мольбы Веронике стало совершенно очевидно, что никаких положительных качеств сидящий слева от нее объект не имеет в принципе. А если и имеет, ей их разглядеть не дано. Для нее Никита был воплощением всех существующих в мире недостатков в одном лице.

Прозвеневший звонок заставил второкурсника резво соскочить с места и, положив ручку на парту Вероники, мгновенно ретироваться. Его счастье, что бегал он быстрее негодующей одногруппницы, иначе она не смогла бы лишиться себя удовольствия все-таки треснуть его каким-нибудь не очень легким предметом по дурной башке.

— Слушай, да это же ручка Петра Ивановича! — воскликнула Наташа, с легким недоумением наблюдавшая за поведением одногруппника. — Интересно откуда она у Никиты и, самое главное, зачем он отдал ее тебе?

— Это моя ручка, — опять пришлось скривить душой Веронике. — Этот прохвост у меня ее стащил, а теперь вернул.

— Да, ладно — твоя, — с иронией протянула Наташа, — думаешь, я бы перепутала фигурирующую почти в каждой байке про нашего ректора красную ручку с серебристыми

чернилами с какой-то другой? Лучше признайся — это очередное твое пари с Никитой, и, судя по тому, какие искры сыпались из твоих глаз при виде этой злосчастной ручки, ты это пари проиграла.

Эх, если бы только Вероника могла рассказать подруге, что как раз этот спор с треском продул Никита! Ника почувствовала, что для нее будет настоящим испытанием помалкивать о том, что ей удалось переиграть этого зануду.

— Наташ, да моя это ручка. Специально по приколу купила такую же, как у ректора.

— Расскажешь потом, где такие продаются, — я тоже хочу, — подначила Веронику подруга.

Пока девушки разговаривали, остальные студенты уже покинули аудиторию, и подругам пришлось поторопиться. Но не успели они собрать с парты учебники и тетради, как к ним подлетела Лена Шмелева:

— Девчонки, можете не спешить, у нас сейчас здесь будет еще одна лекция по физике.

— Почему? По расписанию же второй парой — практикум по предмету А8к.

— Практикума не будет. Сказали — наш Бегемотик заболел.

Матвей Тимофеевич, или Бегемотик, как его называли студенты за беспредельно тучное телосложение, являлся заместителем ректора по научной работе и по совместительству преподавателем практикума по одному из цифро-буквенных предметов А8к, а именно «способы искривления пространства-времени в пределах дельта-сигма-неопределенности для преодоления гравитационных сил», или, по-простому, левитация.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Вероника, — а то у меня вчера вечером всякие неотложные дела были, и я не успела к лабораторной подготовиться.

— Да я тоже не готова, — хихикнула Лена.

— Ну, ничего, у тебя же, если что, всегда Никита под рукой, — зачем-то съязвила Вероника.

— Да, Никиточка меня всегда выручает, — не замечая едкости тона собеседницы, согласилась Лена. Она искренне считала, что все парни без ума от ее сногшибательной красоты и только и мечтают, чем бы ей помочь и угодить. Но самым удивительным было то, что частично Леночка была права. Если у нее появлялись пробелы в знаниях, а появлялись они достаточно часто, всегда находился желающий помочь ей эти пробелы ликвидировать. Символической платой за оказанные услуги была возможность лицезреть во время процесса ликвидации стройные ножки Леночки и воздушный поцелуй напоследок.

Студенты начали постепенно заполнять аудиторию. Появился и Никита. Он подошел к девушкам, полагая, что гнев Вероники уже утих или, по крайней мере, она не будет буяннить в присутствии подруг. Его расчет был не совсем верным. Любительница пари окатила парня с головы до ног испепеляющим взглядом, который выражал что-то вроде: «Я все помню, ты у меня еще получишь». Но все же Веронике пришлось отложить месть на потом — не в ее интересах было сейчас устраивать шум вокруг злосчастной ручки.

— Говорят, что Бегемотик не столько заболел, сколько потерялся, — поделился Никита слухами, которые быстро распространились среди студентов.

— Странно, — хмыкнула Вероника, — еще вчера вечером он был в наличии. Гулял себе по коридорам Университета.

— Вчера, может, и был. А сегодня на работу не явился. И дома его нет — уже проверяли, — пояснил Никита.

— А мне Тоня с 4-го курса рассказала, что он, вообще, не потерялся, а на самом деле —

мертв, — таинственным шепотом сообщил подошедший к ребятам Егор.

— Ой, — вздрогнула Леночка, бархатные щечки которой моментально покрылись алым румянцем от волнения, — как же так?

— Да ерунда все это, глупые слухи, — успокоила ее Наташа.

— Ничего и не слухи, — возразил Егор, — говорят, ночью у него случился инфаркт.

— Ужас! — опять вскрикнула Лена и полными отчаяния глазами обвела участвующих в разговоре ребят в поисках моральной поддержки.

Но вместо этого включившиеся в беседу еще несколько студентов делились новыми подробностями исчезновения Матвея Тимофеевича, детали которых становились все ужасней и ужасней.

— Говорят, его отравили.

— Нет, столкнули с крыши шестого этажа.

— Да нет! Варя, племянница Петра Ивановича, сказала Верочке, а Верочка мне, что Бегемотика нашли сегодня утром мертвым в кабинете ректора в луже крови.

— Какая чушь! — возмутилась Вероника. — Я была сегодня утром в кабинете ректора, никакой лужи крови, а уж тем более бездыханного тела Матвея Тимофеевича там не было.

— Но кабинет ректора могли успеть привести в порядок до твоего прихода...

— Ребята! Внимание! — вошедший в аудиторию Аристарх Вениаминович постучал ручкой по учительскому столу. — Попрошу тишины! Матвей Тимофеевич уехал в командировку на две недели, поэтому все его пары буду заменять я. Рассаживайтесь по местам, начнем занятие.

— В командировку, — разочарованно протянул Егор, моментально потерявший интерес к теме разговора. — Димка, пошли, — махнул он белобрысому приятелю.

Тот стоял бледный и растерянный. Страшные слухи о Матвее Тимофеевиче вызвали у впечатлительного молодого человека, известного среди одноклассников своими пацифистскими взглядами, состояние близкое к шоку. Егору пришлось хлопнуть ушедшего в себя парня по плечу, чтобы привлечь его внимание. Дима встрепенулся, и двое друзей, а следом и остальные студенты начали расходиться по своим местам.

Леночка, которая никак не могла прийти в себя после пережитого потрясения, ерзала на стуле и что-то возбужденно нашептывала Никите, схватив его за руку. А тот, выслушав ее, начал успокаивать еле слышимым голосом, будто разговаривает с впечатлительным ребенком:

— Не переживай. Раз Аристарх Вениаминович сказал, что Матвей Тимофеевич в командировке, значит, так и есть.

«Тьфу ты! Какая идилия!» — поморщилась Вероника, с нескрываемым отвращением наблюдавшая милое воркование двух голубков. Нет, пусть уж лучше ее отчислят из Университета, чем она хотя бы на час влюбится в этого заносчивого Никиту, умудряющегося при этом быть таким приторно-сладким в общении с красавицей Леночкой.

— Ника, — сердито прошептала Наташа и толкнула локтем подругу, — ты что, спишь? Тебя к доске вызывают.

И, догадавшись, что Вероника даже условие задачи не записала, быстро сделала то же, что и Никита на прошлой паре для своей соседки по парте — подсунула подруге свою тетрадь.

Вероника поднялась и неторопливо пошла между рядами парт к доске, судорожно пытаясь вникнуть в условие задачи. Для этого ей необходимо было выкинуть из головы мысли о действующем ей на нервы парне, очень мешавшие сосредоточиться. Похоже,

скорость была выбрана удачная, потому что когда Ника достигла конечной точки своего маршрута, у нее уже вырисовался подход к решению.

Схватив мел, она принялась уверенно записывать трехэтажные формулы, которые по мере приближения к ответу почему-то становились все больше и больше, грозя не вместиться на доску по ширине. В какой-то момент Аристарх Вениаминович сообразил, что необходимо прийти на помощь заблудившийся в дебрях вычислений студентке. Он подошел к доске и, нахмутив лоб, с головой нырнул в пучину цифр и символов. И когда сия пучина уже готова была поглотить обоих, спасательный круг был брошен оттуда, откуда оба утопающих не ожидали.

— Двинская, у тебя в третьей формуле ошибка. Ты не учла граничные условия! — крикнул с места Никита.

«Черт! Точно!» От досады Вероника выронила мел из руки. Тот, стукнувшись об пол, откатился на несколько сантиметров. Ника наклонилась и обнаружила его лежащим ровно между левым и правым ботинками Аристарха Вениаминовича. В тот момент Вероника и не догадывалась, что картина, которая представилась ее глазам, кардинально поменяет течение следующих двух недель ее жизни. Да что там двух недель — она самым радикальным образом отразится на всей ее дальнейшей жизни.

Собственно, в первое мгновение ничего необычного Вероника не заметила: начищенный до блеска правый ботинок многоуважаемого преподавателя физики, начищенный до такого же идеального блеска левый собрат и кусочек мела, сиротливо лежащий между ними в страхе, не растопчут ли его. Но стоп! Что это за пятнышки? Маленькое алое — на полу между правым ботинком и куском мела, и еще более крохотное бурое — на левом ботинке. «Кровь! — застучала у Вероники в висках страшная догадка. — Да нет, ерунда какая-то», — тут же осадил она себя. Ника всегда считала, что обладает достаточным хладнокровием, чтобы по любому пустяку не впадать в панику, а сейчас уподобилась впечатлительной Леночке, пришедшей в смятение чувств от глупых слухов, распускаемых кем-то от скуки. Алая капля на полу — скорее всего, чернила, вытекшие из ручки Аристарха Вениаминовича, когда он стучал ею по столу, привлекая к себе внимание студентов, а бурое пятнышко на ботинке преподавателя — обыкновенная грязь.

Успокоив себя вполне разумными доводами, Ника наконец-то сообразила, что хихиканье, стоявшее в аудитории, вызвано ее затянувшимися поисками мела, которые она, изогнувшись в нелепой позе, производила под ногами преподавателя. Вероника схватила злополучную белую вещицу, распрямилась, погрозила одногруппникам пальцем и продолжила решать задачу. Аристарх Вениаминович к тому моменту уже тоже вынырнул из своих раздумий, и совместными усилиями преподаватель и студентка довели дело до благополучного конца.

— Спасибо, Вероника. Можете садиться.

Ника вернулась за парту и отрешенно уставилась в окно. Никита крутился на стуле, стараясь привлечь ее внимание. Его самодовольная физиономия выражала что-то вроде: «Ну, что, Двинская, сделал я тебя?!» Но Вероника не замечала его усилий, она смотрела на снегопад. Невесомые пушинки за окном продолжали свою непостижимую игру... Белые... и чистые... тогда откуда могла взяться грязь на ботинке Аристарха Вениаминовича?..

Следующей парой по расписанию была история — пожалуй, единственный предмет, который Вероника откровенно терпеть не могла. Вел его Акакий Акакиевич. Его забавное имя-отчество контрастировало со скучнейшей манерой преподавания. Профессор до того

монотонно и пресно читал лекции, что часть студентов умудрялась благополучно дремать под его невнятное бормотание. Но сегодня Веронике была только на руку такая манера подачи — невыразительная речь Акакия Акакиевича не мешала ей сосредоточиться и продолжать обдумывание своих проблем.

Однако на середине лекции Ника заметила, как ее внимание все же переключилось на повествование профессора.

— ...записываем: 1497 год — состоялся первый Международный шабаш, на котором было принято решение об организации Большого совета. Каждое ведьмовское движение делегировало в него по одному представителю.

Вероника открыла тетрадь и сделала в ней первую за сегодняшнюю лекцию запись.

— Далее было несколько лет организационных работ, и, записываем, судьбоносный 1513 год — Большой совет принял Кодекс правил 1.1, который действует до сих пор и который вы на празднике посвящения в студенты торжественно поклялись соблюдать.

— А что было с теми ведьмовскими течениями, которые не захотели принять Кодекс? — спросил Егор, единственный в группе студент, кого искренне интересовал предмет, читаемый нудным профессором.

— Большой совет принял решение о нейтрализации отступников, — бесстрастно ответил Акакий Акакиевич. — Было несколько серьезных противостояний между Объединенным ведьмовским сообществом и теми, кто не хотел следовать выработанным правилам. К началу 17-го века отступников практически удалось нейтрализовать.

— Почему практически? Кто-то все же остался? — опять перебил профессора Егор.

— Да, оставалось восточносибирское шаманское течение Улаха Еттэ, или «Обратная сторона»...

— Почему с ними тянули? — Глаза Егора горели любопытством.

Наверно, любой другой профессор уже давно бы осадил постоянно перебивающего его студента, но Акакий Акакиевич невозмутимо и невыразительно продолжил:

— Они обладали уникальными знаниями и самобытными методиками. Нейтрализация — это было бы слишком просто и слишком неразумно. Объединенному ведьмовскому сообществу хотелось привлечь их на свою сторону.

— Учитывая, что сейчас такого движения не существует, оно в свое время все-таки было нейтрализовано? — Теперь уже и Вероника решила перебить профессора.

— Нет, нейтрализация не понадобилась, восточносибирские шаманы Улаха Еттэ исчезли естественным образом. По невыясненным до сих пор причинам с некоторого времени они перестали воспитывать преемников. И когда в 1620 году умер последний представитель этого течения, вместе с ним канула в Лету и сама шаманская школа «Обратная сторона».

— Объединенное ведьмовское сообщество успело перенять уникальные методики Улаха Еттэ? — спросила Наташа. Разбуженная предыдущим вопросом своей соседки по парте, она тоже увлеклась рассказом лектора.

— Нет, методики безвозвратно утеряны. Однако Сообществу удалось заполучить Большой бубен последнего шамана. Он входит в семерку самых сильных артефактов.

— Почему же тогда мы не изучали его по предмету О9V1? — удивился еще один вышедший из спячки студент, Тимур, до этого мирно дремавший за партой справа от Наташи.

— Потому что артефакт мертв.

Прозвучавший одновременно со словами профессора звонок означал конец лекции, а

учитывая, что история была последней парой в расписании четверга, то и конец учебного дня.

Глава 3. Снежный преследователь

— Ну, что ты там придумала насчет завтрашнего Дисциплинарного совета? — спросила Наташа, когда подруги приступили к обеду в студенческой столовой.

Они заняли крохотный стоящий у окна столик, рассчитанный на двоих. Когда девушки хотели посекретничать, они всегда располагались в этом единственном укромном уголке шумного и многолюдного заведения.

— Да, в общем-то, ничего, — покачала головой Вероника. — Совет не обманешь.

— Угу, — согласилась собеседница, для которой этот факт был очевиден с самого начала.

— Чтобы мне поверили, надо на самом деле влюбиться в Никиту, — констатировала Ника убитым голосом. — А как это сделать, если он такой несносный?

— А может, оставить эту идею с влюбленностью? Признайся на Совете честно, что полезла в общагу из-за пари.

— Не могу, — сокрушенно выдохнула Вероника. — Лучше я попробую что-нибудь из G9°9.

— Ты что? — аж подпрыгнула на стуле Наташа. — А как же Кодекс? Самое первое правило — не использовать особые знания и методики в личных корыстных целях. А тут же корысть налицо: обмануть Совет, чтобы уйти от ответственности.

Вероника тоже заерзала на стуле. Как же ей было нелегко все время вводить подругу в заблуждение — сообщать только часть информации, ходить вокруг да около.

— Ты не представляешь, с каким бы удовольствием я выпалила Совету все как есть, вместо того чтобы заморачиваться с этой влюбленностью. Понимаешь, в данной ситуации моя выгода ни при чем, просто так совпало. Мне нужно ввести в заблуждение Совет, чтобы избежать разглашения очень важной информации. Меня ректор попросил.

— Ничего себе! — У Наташи заблестели глаза, а почти незаметные веснушки на щеках стали ярко-рыжего цвета. Они всегда предательски проступали, когда она испытывала сильные чувства. Эта особенность делала ее уязвимой: любой, кто знал Наташу хорошо, мог легко догадаться о степени ее взволнованности по степени яркости ее милых конопушек.

— Даже не попросил, а потребовал под страхом отчисления.

— Вот это да! И она молчала! Рассказывай давай, что за разговор состоялся у тебя в кабинете ректора.

— Ой, Наташ, и влипла же я! — с досадой воскликнула Вероника.

— Да ты расскажи. Вместе что-нибудь придумаем.

— Хорошо. Только никому ни слова. Понимаешь, Петр Иванович иначе меня убьет. Он уже меня чуть не убил. Такой злой был — ужас!

— Ты же знаешь: я — могила.

Вероника вздохнула с облегчением. С самого утра она сгорала от нетерпения рассказать Наташе обо всех своих вчерашних и сегодняшних приключениях, но угрозы ректора сдерживали ее. А сейчас, сидя напротив своей самой близкой подруги и глядя в ее взволнованные, полные сочувствия и решимости помочь глаза, она смогла себя убедить, что, когда Петр Иванович велел никому ничего не рассказывать, под «никому» он не имел в виду Наташу. И Вероника выложила подруге свою историю со всеми деталями, особенно подробно описав все, что касалось выигранного у Никиты пари. Как раз эта часть рассказа

не вызвала у Наташи восторга, на который рассчитывала Ника. Подруга только качала головой, встревоженная плачевными последствиями. Но раскисать было не в правилах Наташи — ей не привыкать помогать набедокурившей подруге.

— Ну, раз профессор настаивал, что тебе надо применить что-то из G9°9, начни с семи положительных качеств, чего уж проще, — порекомендовала Наташа, проанализировав ситуацию.

— Пробовала, — махнула рукой Вероника, — только этим сегодня весь день и занималась. Не получается!

— Почему?

— Потому что у этого воображалы нет такого количества положительных качеств.

— Да ты что! У Никиты? Да я тебе с ходу десять назову. А если мы еще Леночку подключим, то и до двадцати дотянем.

— С Леночкой, может, и дотянем, — рассмеялась Вероника, — но ты же помнишь, чтобы механизм сработал, надо, чтобы я искренне считала эти качества замечательными. Я, а не вы с Леночкой.

— Ладно, — кивнула головой подруга, — тогда у нас есть второй способ. Ты же помнишь: лекцию Станислава Станиславовича по этой теме?

— Помню. Нужно, чтобы подопытный объект коснулся тебя с искренним сильным чувством, таким же, какое ты испытываешь в этот момент... Только этот способ, по-моему, неосуществим в нашей ситуации.

— Конечно, первый был проще... — Наташа задумалась. — Хотя ведь что это будет за чувство, не имеет значения, а это облегчает задачу. Например, вполне подойдет чувство благодарности. Вот смотри, завтра контрольная по физике. Реши на каком-нибудь листочке вариант Никиты. Потом передай ему этот листочек, невзначай коснувшись его руки. И дело в шляпе.

— Ой, Наташ, — опять рассмеялась Вероника, — ну, за уши же притянуто. Во-первых, даже если я решу тысячу контрольных за Никиту, этот чурбан не испытает никакой благодарности — ему это чувство незнакомо. А во-вторых, я-то с какой стати в этот момент буду преисполнена этой самой благодарности по отношению к нему?

— Ну, как с какой стати? С той стати, что если этот фокус удастся, то ты не будешь отчислена.

Вероника, вспомнив в очередной раз, какая опасность нависла над ней, перестала смеяться и попробовала взглянуть на план подруги конструктивно. Но план, как на него ни гляди, был так себе.

— Наташ, а какого-нибудь варианта понадежней у тебя нет?

— Ну, не знаю, — наморщила лоб подруга, — может, чувство голода тоже годится? Тогда завтра в столовой...

Вероника, не дослушав Наташу, опять разразилась безудержным хохотом:

— ...невзначай, желательно неожиданно и резко, коснуться его руки, когда он будет идти с подносом, чтобы он опрокинул его на себя вместе с содержимым: тарелкой со спагетти или еще лучше горячим супом. Вот тогда мы точно одновременно испытаем жгучие искренние чувства: он — ярость, а я — злорадство.

— Да ну тебя, — рассердилась Наташа и ее веснушки. — Ника, ты просто невыносима. Я, чтоб не вылететь из Универа, хоть бы черта лысого поцеловала. А ей все хихоньки.

— Вот именно, я бы тоже лучше в черта влюбилась, чем в Никиту, — горячо выпалила

Вероника, но видя, как искренне за нее переживает подруга, смирилась: — Ладно, Наташ, попробую завтра твой первый вариант — может, сработает?

— То-то же, — немного успокоилась подруга, — и, смотри мне, старайся!

Выработав какую-никакую стратегию, девушки вернулись к поглощению столовских деликатесов, которые изрядно подостыли, пока подруги были заняты беседой и не проявляли к ним интереса.

— Слушай, Наташ, — затронула еще одну тревожную для себя тему Вероника, решительно отодвинув тарелку с холодной гречкой, которая и в теплом-то виде не очень ее прельщала, — что ты думаешь об исчезновении Бегемотика?

— А что тут думать? — пожала плечами подруга, борясь с искушением поступить с гречкой так же, как Вероника. — Аристарх Вениаминович сказал, что тот не исчез, а в командировке.

— А откуда взялись слухи про всякие там «отравлен, раздавлен, задушен, найден в луже крови»?

— Слухи — они и есть слухи. Тем более ты сама не обнаружила никакой лужи крови в кабинете Петра Ивановича.

В кабинете ректора Вероника действительно крови не наблюдала, а вот на ботинке Аристарха Вениаминовича и на полу в аудитории № 12а какие-то подозрительные пятнышки были. Но рассказывать ли об этом подруге? Скорее всего, Наташа подумает, что две капельки, похожие на кровь только красноватым оттенком, могут быть чем угодно, но только не уликами страшного преступления. Допивая компот, Вероника прокрутила в голове еще раз все за и против и пришла к окончательному выводу, что пока грузить подругу маловразумительными догадками не будет.

Закончив с обедом, девушки вышли на улицу. Было уже темно, ведь долгота дня в декабре в Верхнетайгинске, расположенном лишь немного южнее Северного полярного круга, была всего шесть часов. Подруги не спеша направились в сторону своего общежития. Снег под ногами поскрипывал, почти пел, а мороз бодрил и приятно пощипывал щеки. Вероника любила прогулки по вечернему студгородку. На нее действовали успокаивающе исполины-сосны, застывшие в гордом величии по обеим сторонам дорожек кампуса, и холодные далекие звезды, видневшиеся в просвете крон. Ника почувствовала, как ее настроение становится безмятежным и безоблачным, как небо над головой...

— Ой! — вдруг вскрикнула она, ощутив толчок в спину. Вероника обернулась, чтобы понять, в чем дело, и тут же почувствовала, как об ее лицо ударилось что-то рыхлое, холодное и влажное и издало противный чавкающий звук. В следующую секунду она уже поняла, что и толчок в спину, и стекающая по щекам ледяная вода — это последствия попадания в нее снежков. Ника достала из кармана носовой платочек и начала вытирать лицо, ощущая, как ее захватывает жуткая смесь чувств: гнев и желание отомстить.

Наташа, которая тоже подверглась атаке, уже лепила в руках комков снега и через мгновение запустила его куда-то в сторону фонарного столба. По уверенному движению подруги Вероника поняла, что та уже заметила, где скрывается нападающий. Ника проследила траекторию снежка, который, к ее огромному сожалению, не достигнув цели, разбился о ствол сосны. Через секунду из-за ствола показалась самодовольная физиономия Никиты и тут же вернулась на исходную позицию, чтобы не стать жертвой очередного снежка, запущенного Наташей.

— Ну, ты у меня получишь! — заорала Вероника не своим голосом и произвела серию

безрезультативных бросков. Быстро сообразив, что сосна является хорошим прикрытием и без хитрости не обойтись, она знаками показала Наташе, чтобы та со всей дури обстреливала дерево, пока Вероника зайдет с тыла. Уловка удалась, и Никита получил свой заслуженный ком снега в затылок. Жаль, конечно, что удар пришелся не в лицо, но Веронику успокаивала мысль, что попавшая за шиворот ледяная вода должна произвести на идиота, затеявшего глупую игру, неизгладимое впечатление. Никита начал предпринимать отчаянные попытки стряхнуть снег, а Вероника, пользуясь растерянностью врага, запустила еще пару снарядов куда придется. Подскочившая в этот момент Наташа помогла усилить натиск и вынудила Никиту признать поражение.

— Все, девчонки, сдаюсь, — рассмеялся он.

— Нет, ну ты видишь, какой он придурок! — шепнула подруге Вероника. — Какие тут семь положительных качеств?! Абсолютный ноль, без вариантов!

Никита отряхнулся и подошел к девушкам. Было заметно, что забившийся ему за воротник снег доставляет дискомфорт. Наташа принялась счищать платочком белую жижу с шеи одnogруппника, а Вероника стояла в сторонке со злорадной улыбкой на лице — она не испытывала ни капли жалости к поверженному врагу.

— А не надо было на нас нападать из засады! — выпалила она. — И вообще, зачем ты нас караулил?

— Хотел тебе шоколадку отдать — я же проиграл пари. — Никита обезоруживающе улыбнулся и протянул блестящую упаковку Веронике.

Она приняла трофей с торжествующей улыбкой. Господи, чего он ей стоил! Ника распечатала шоколад и, разделив плитку на три равные части, вручила по одной Наташе и Никите.

— Намного лучше холодной гречки, — подмигнула она подруге, а в сторону одnogруппника бросила: — Хотя ты и не заслужил.

— Да я, вообще-то, хотел вас проводить до общаги, — заявил Никита в свое оправдание.

— Чего вдруг? — сощурила глаза Вероника, приготовившись к подвоху.

— Ну вы что, девочки, забыли, что ли? Сегодня у третьекурсников праздник — Медиана. А в этот день им разрешены маленькие шалости, вернее сказать — пакости. Рядом со мной вам ничего не грозит. А без меня вы запросто можете стать объектом хитроумного розыгрыша.

Действительно, сегодня у студентов, которые были годом старше Вероники и ее одnogруппников, был особый день — прошла ровно половина того срока, который они проведут в стенах Университета. Этот день носил название Медиана, то есть середина, и считался большим праздником. Преподаватели и даже члены Дисциплинарного совета смотрели сквозь пальцы на розыгрыши, которые третьекурсники традиционно устраивали своим младшим собратьям во время Медианы. Негласное правило гласило, что в этот день можно использовать даже особые цифро-буквенные методики, говоря проще — колдовать, если это никому не принесет вреда.

Веронике сегодня пришлось заниматься проблемами посерьезней, чем поиски способа не стать жертвой глупого розыгрыша. Поэтому, сказать по правде, она даже забыла про праздник третьекурсников. Но это совсем не означало, что ей требовалась помощь кого бы то ни было, а уж тем более Никиты.

— Это почему вдруг с тобой нам ничего не грозит, а без тебя грозит? А спорим, что мы и без тебя прекрасно доберемся до своей общаги без приключений? — с запалом предложила

Вероника.

— Спорим! — оживился Никита.

— Опять? — прошипела Наташа, с силой дернув подругу за рукав, потом посмотрела в сторону Никиты и грозно произнесла: — Еще одно пари, и я убью вас обоих. Как дети малые, честное слово. — Она подхватила ребят под руки и произнесла еле слышимым голосом: — Никита, так мило с твоей стороны, что ты вызвался нас проводить. Правда, Вероника? — и, чтобы у подруги не было соблазна съязвить, смерила ее предупреждающим взглядом.

Троица, ловко руководимая стоявшей посередине Наташей, дружно двинулась по направлению к общежитию девушек. Молодые люди шли молча, наслаждаясь восхитительным черным шоколадом с орешками. А Наташа совмещала это удовольствие еще и с обдумыванием мелькнувшей в ее голове идеи: нельзя ли воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы как-то спровоцировать нужное событие из методики G9°9 — заставить соприкоснуться Веронику и Никиту в момент, когда они будут испытывать одинаковые чувства. «Упасть мне, что ли? — моделировала ситуацию Наташа. — Сделать вид, что поскользнулась, и растянуться плашмя. Потом начать охать и стонать жалобно. Эти два вредины кинутся меня поднимать с одинаковым чувством сострадания ко мне. В этот момент подтолкнуть их друг к другу, чтобы уже они наверняка соприкоснулись, и вуаля — новоиспеченная парочка влюбленных готова».

— А знаете, девочки, что мне Лена рассказала? — прервал размышления Наташи Никита. — Она думает, что Бегемотик наш ни в каком не в отпуске.

— Почему? — насторожилась Вероника, которую весь день подспудно мучил вопрос о пятнышках.

— Вчера вечером Леночка с ним разговаривала в его кабинете. Просила помочь разобраться с новой темой, которую она пропустила из-за болезни. И знаете, что ей Бегемотик ответил?

— Что?

— Приходите, говорит, завтра после занятий ко мне — я вам помогу.

— Ну и что? — искренне удивилась Вероника, не обнаружив никакой сенсации в рассказе парня. — Леночке все так говорят. Кто ж такой милашке в помощи откажет?

— Не в том дело. Получается, вчера вечером Матвей Тимофеевич еще ни в какую командировку не собирался.

— Ну, может, вчера не собирался, а сегодня с утра что-то срочное заставило его все бросить и ехать, — нашла вполне логичное объяснение Наташа.

— Может быть. Но это еще не все. Лена рассказала, что при ней Бегемотику кто-то позвонил по телефону и начал угрожать.

— Она, что, слышала, что говорили на том конце провода?

— Не слышала. Но поведала мне, что Матвей Тимофеевич сделался бледный и начал собеседника умолять подождать еще немного. Потом еле шевелящимися губами прошептал: «Хорошо, сегодня так сегодня...»

Никита собирался сообщить девушкам еще пару деталей, но вдруг заметил, что прямо ему в лицо летит что-то круглое и белое. Ему показалось, что он уже ощутил прикосновение холодного кома к лицу, но на самом деле снежок, не долетев сантиметров пять до носа, вдруг резко остановился и замер в воздухе. Никита от удивления тоже замер на месте. Что за ерунда? Он попытался отмахнуться от снежка, сдвинуть с места, упершись в него руками, но ничего не получалось — комок снега не сдвинулся ни на миллиметр, словно врос в эту точку

пространства. Никита сделал шаг назад, снежок последовал за ним, шаг вперед — снежок за ним. Вправо, влево — бесполезно. Белый холодный шар держался на одном и том же расстоянии от носа студента, что бы тот ни делал.

Девушки, наблюдавшие за судорожными метаниями Никиты, покатывались со смеху. Они, конечно, догадались, что над ним потешаются третьекурсники, подозрительное хихиканье которых уже давно раздавалось из-за соседней сосны.

— Жаль, нам нельзя ответить этим клоунам тем же, — злился Никита, снова и снова прыгая то вправо, то влево.

— Ой-ой-ой, — хохотала Вероника, — да они в любом случае сделали бы тебя.

— Через год посмотрим!

— Никита, да не скачи ты так, — посоветовала Наташа, сжалившись над одноклассником, — этим ты их только раззадориваешь. Постарайся не обращать на снежок внимания, и шутники найдут какую-нибудь другую жертву.

— Да как же не обращать внимания, когда он висит прямо перед моим носом?! — ответил запыхавшийся парень. Теперь он избрал новую тактику — то приседал на корточки, то подпрыгивал высоко вверх, как баскетболист перед броском в кольцо.

— Никита, ты что, не понимаешь, что тебе это не поможет? — Новый приступ хохота, вызванный красочной картиной скачущего, как кенгуру, одноклассника, душил Веронику. — Ты ж вроде на отлично сдал R0U3. Третьекурсники применили к твоему носу и снежку принцип квантового сцепления, а проще говоря, наложили на кончик твоего носа проклятие преследования. И все, что в этот момент было рядом с этой точкой твоего лица, а это оказался снежок, будет преследовать тебя, пока они не снимут проклятие.

— Черт! Да знаю я! — с досадой выпалил парень, прекратив наконец скакать.

— Пойдем, Никита. — Наташа опять взяла под руки друзей и повела в сторону общежития.

Парень крепко держался за одноклассницу, потому что видеть дорогу ему мешал закрывающий обзор снежок.

— Черт! Когда уже придуркам-третьекурсникам надоеет эта их глупейшая забава?

— В полночь, когда закончится праздник, они по-любому закончат и розыгрыши, — попыталась успокоить Никиту Наташа.

— Черт! Мне, что, в общагу вот так идти?

— Конечно, — покатывалась Вероника, — ребята обзавидуются. Особенно когда снежок растает и за тобой начнет таскаться водяной шар.

— Черт! — в который раз выругался Никита и дал щелбан снежку. — Какой тупой прикол.

— А по-моему, очень даже остроумно, — возразила Вероника.

— Когда у нас будет Медиана, я придумаю что-нибудь покреативней, — сказал Никита и приделал снежку импровизированные уши и нос, слепленные из фольги от шоколадки.

Наташа рассмеялась, а любительница споров продолжала дразнить одноклассника:

— Не факт, не факт, превзойти сегодняшний шедевр у тебя вряд ли получится.

— Получится, не сомневайся. — Теперь Никита прикрепил к комочку что-то вроде хвостика, и снежный преследователь стал похож на мышонка.

Теперь уже и Веронике надоело спорить, и она от души рассмеялась. Наташе хохот подружки и креатив Никиты никак не давал сосредоточиться на мысли о том, какой бы спектакль ей все-таки разыграть, чтобы вызвать у этих двоих одинаковые чувства. Задача,

усложненная торчащим у Никиты перед носом снежком, оказалась непосильной. Молодые люди уже подошли к общежитию, а Наташе так и не удалось превратить свою идею в легкоосуществимый план.

Никита попрощался с одногруппницами и потихоньку поплелся в сторону своей общаги.

— Слушай, Ника! Надо было, наверно, Никиту проводить. Ведь запнется обо что-нибудь и грохнется. Ему же ничего не видно.

— Еще чего! — возмутилась Вероника.

Подруги поднялись по ступенькам и, перед тем как заходить в здание, еще раз оглянулись проверить, как там передвигается Никита. Картина их взору открылась примечательная. Видимо, как раз в этот момент шутники-третьекурсники, потеряв интерес к студенту, который покинул компанию прекрасных спутниц, сняли с кончика его носа проклятие. И снежок как ни в чем не бывало продолжил свой прерванный полет. Впрочем, дистанция, которую ему оставалось преодолеть, была невелика, и через мгновение комок снега достиг конечной точки своего маршрута, живописно размазавшись по лицу Никиты. Парень от такой неожиданности чуть не грохнулся на землю. Но его поддержали подоспевшие старшекурсники.

— Ну, хоть на это им ума хватило! — покачала головой Наташа.

Глава 4. Гора пришла к Магомету

Вероника сидела за столом в своей комнате и пыталась сосредоточиться на домашнем задании, но ей мешал раздающийся с улицы смех — третьекурсники продолжали дурачиться. Она подошла к окну взглянуть на их забавы. Двое парней гарцевали верхом на снеговике под улюлюканье и свист столпившихся студентов. Снеговик брыкался и извивался, пытаясь сбросить наездников, которые явно были ему не по душе. Но те отчаянно пытались удержаться «в седле», потому как сброшенный считался проигравшим, и его место тут же занимал следующий желающий. «Родео на снеговике — как глупо», — с улыбкой подумала Вероника. В этот момент она почувствовала солидарность с Никитой, который считал, что они через год смогут придумать развлечения покруче.

Постояв чуть-чуть у окна, Вероника вернулась за стол. Нет, продолжать попытки сосредоточиться, чтобы сделать домашнее задание, было бесполезно. Она решила, что лучше проведет какое-то время за ноутбуком — проверит электронную почту и почитает новости от друзей в социальных сетях.

В почте ее поджидало два непрочитанных письма: одно — от мамы, а второе — от ректора. Вероника пробежала глазами первое и улыбнулась. Это была всего пара строчек, ведь мама писала дочери часто, чуть не каждый день, и новостей на длинное письмо накопиться не успевало. Но даже эти несколько слов, пронизанные теплотой и любовью и перемеженные улыбающимися и целующимися смайликами, всегда поднимали Нике настроение.

Темой второго письма было указано: «Вопросы повышения успеваемости по предмету R0Y1». Это конспиративное заглавие напомнило Веронике, что у нее на ближайшие две недели есть важное задание от ректора. Кстати, почему именно две? Ника прибавила к сегодняшнему 17 декабря четырнадцать дней и у нее получилось 31-е. Чем примечательна эта дата? Да вроде ничем. Нет, в обычном смысле многим — это же канун Нового года! Но какое отношение этот замечательный и всеми любимый праздник имеет к украденной кем-то из сейфа Петра Ивановича информации?

Ника приступила к чтению, и первые же слова заставили ее насторожиться.

Вероника, будь внимательна! Когда ты открыла письмо, оно автоматически удалилось с почтового сервера, а как только ты его дочитаешь, оно автоматически удалится из памяти твоего ноутбука. Как ты, наверно, догадалась, на него наложена методика Код. Со своим ответным письмом поступи так же.

Вероника отвела взгляд в сторону, чтобы случайно не пробежать строчки, расположенные ниже. Вначале ей надо было сосредоточиться. Она знала, что те несколько слов, что успела прочесть, уже исчезли с экрана ноутбука. И ей нужно постараться с первого раза запомнить текст, который содержит оставшаяся часть письма, пока его не постигнет та же участь — быть стертым.

Вероника не удивилась странному предупреждению Петра Ивановича, она знала, о чем идет речь, — они проходили это на первом курсе по предмету «Законы Вселенной». Да, вот так называлась дисциплина, которую преподавал сам ректор — без всяких цифро-буквенных аббревиатур. Дело в том, что на лекциях студентам рассказывали о самых важных

универсальных законах природы, о тех, которым подчиняются все без исключения явления в мироздании, о тех, нарушить которые не может никто: ни самые выдающиеся ученые, ни самые могущественные маги. И первый основной, а по большому счету, единственный универсальный закон Вселенной — это закон о неуничтожимости информации. Физики называют его «закон сохранения энергии», а кому-то известна другая формулировка — «рукописи не горят».

Закон гласит, что информация, будучи однажды создана, не может быть уничтожена никогда. Не существует ни природных, ни магических способов это сделать. Информация может только менять носители — бумага, электронная память вычислительных устройств, память того или иного человека и так далее. Уничтожить носитель можно с легкостью, но вот сама информация при этом не исчезнет, она переместится на другой носитель. На какой? Хороший вопрос! Этого Вероника пока не знала — это проходят на третьем курсе.

Но зато она знала о методике Ко0, о которой ей напомнил Петр Иванович в своем письме. Эта методика работы с копиями — дублями информации. С дублями-то, к счастью, можно было делать все что угодно — создавать, уничтожать, тиражировать и много других милых фокусов. Ника догадалась, что ректор создал одноразовый дубль информации, которой владел сам, и поместил его в письмо — дубль, предназначенный конкретно Веронике и автоматически уничтожаемый со всех промежуточных носителей, как только достигнет адресата.

Понятно, что такие предосторожности Петр Иванович предпринял не просто так. В его послании было что-то очень важное и очень секретное. Поэтому Вероника сосредоточилась и прочла оставшуюся часть письма с предельным вниманием:

Сегодня утром в своем кабинете я обнаружил на полу два пятнышка, цветом напоминающие кровь. Я стер их, не придав им поначалу никакого значения. Подумал, что это уборщица могла случайно пролить какое-нибудь удобрение для цветов, но, как выяснилось позже, растения в моем кабинете вчера никто не поливал. Через какое-то время обнаружилось, что мой заместитель, Матвей Тимофеевич, пропал. Он не явился на работу и дома тоже не был обнаружен. Не знаю, связаны ли эти два события и имеют ли они какое-то отношение к исчезнувшей из сейфа информации, но вероятность такая существует, поэтому я и решил сообщить тебе о них.

До выяснения причин исчезновения Матвея Тимофеевича было решено объявить, что он в командировке, чтобы пресечь чудовищные слухи, расползающиеся среди студентов. Думаю, ты понимаешь, что не должна ни с кем делиться полученной от меня информацией.

Жду от тебя письма со списком всех, кто может быть причастен к краже документов, а именно: тех, кто передал тебе информацию о кодах доступа, тех, кто спровоцировал тебя залезть ко мне в кабинет и вскрыть сейф, тех, кто знал об этом, и тех, кто подозрительно вел себя в последнее время, — проявлял к тебе и твоим действиям повышенный интерес, следил за тобой, и так далее.

Дочитанное письмо благополучно удалилось, но Вероника успела запомнить всю информацию, каждое слово. И эта информация вызвала легкую дрожь и неприятное покалывание между лопатками. Такое ощущение всегда возникало у Ники, когда она была очень сильно взволнована или встревожена. Вернее, не всегда, а последние три года.

Началось это в тот страшный день, воспоминания о котором до сих пор рвут душу на

части. Тогда она с самого утра ощущала это покаяние. Это была даже не боль — это было предчувствие беды. И беда случилась. Страшная, несправедливая, непоправимая и так до конца и не понятая. Вероника до сих пор не знала ответ на вопрос «почему?». Почему это произошло? Почему они погибли?

И вот опять это покаяние. Все сегодняшние перипетии: вызов к ректору, его сумасшедший гнев, жуткие слухи о Матвее Тимофеевиче и даже подозрительные пятна на полу аудитории № 12а и на ботинке преподавателя физики не вызвали в ней этого неприятного чувства, но, видимо, письмо ректора, в котором сообщалось о еще двух пятнах цвета крови, стало последней каплей, которая переполнила чашу спокойствия и окончательно убедила Веронику, что вокруг нее происходит что-то нехорошее.

Она возбужденно заерзала на стуле. Ей было совершенно необходимо с кем-то поделиться своими догадками и сомнениями. Возможно, Петр Иванович, предупредивший Веронику никому не сообщать информацию из своего письма, под «никому» имел в виду именно «никому», но Вероника в очередной раз поняла его слова по-своему. Она решила, что на Наташу этот запрет не распространяется.

Выскочив из комнаты, она прошла по коридору ровно три шага и оказалась у двери своей соседки по общежитию, а по совместительству лучшей подруги.

— Наташ, — Вероника стукнула пару раз в дверь и просунула голову в проем, — можно?

— Угу, — ответила подруга. Она стояла у окна и наблюдала за очередной выходкой третьекурсников. — Тебе тоже это дикое гоготание заниматься мешает?

— Мешает, только кое-что похуже гоготания, — мрачно сообщила Вероника, закрыв за собой дверь.

— Переживаешь из-за завтрашнего Дисциплинарного совета?

— Еще хуже.

— Господи, ты что, за эти несколько часов, что мы не виделись, успела влипнуть в еще одну неприятность? — покачала головой Наташа и присела на кровать. — Рассказывай!

— На этот раз не я, а наш Бегемотик, — ответила Вероника и пристроилась рядом с подругой.

— Узнала что-то новое? — У Наташи от возбуждения заблестели глаза. — Значит, все-таки никакая не командировка?!

— Ни разу не командировка.

— А кто сказал?

— Петр Иванович.

— Ого! — Веснушки на щеках Наташи с нежно-рыжего постепенно перешли к ярко-оранжевому, почти красному цвету. — Рассказывай!

Взяв с подруги обещание молчать, Вероника поведала ей все, о чем говорилось в письме ректора, а также о подозрительных деталях, обнаруженных ею между двумя ботинками Аристарха Вениаминовича.

— Так вот почему ты так долго искала упавший мел — разглядывала странные пятнышки?!

— Именно!

— А если еще вспомнить слова Никиты...

— Да, накопилось много фактов! Давай подытожим, — предложила Вероника. — Бегемотику, по словам Леночки, звонили с угрозами. После этого он пропал. При этом в некоторых помещениях Университета и на ботинке Аристарха Вениаминовича обнаружены

пятна чего-то красноватого, возможно, крови. Вывод один — Матвей Тимофеевич стал жертвой преступления: похищен или вообще убит.

— А Аристарх Вениаминович является невольным свидетелем или соучастником, — расширила вывод Вероники подруга.

— Да нет, Наташ, наш физик тут явно ни при чем. Такой милый, безобидный, поглощенный наукой, и ничем, кроме формул, не интересующийся профессор не мог быть ни свидетелем, ни соучастником. Он, вообще, по определению не может быть замешан в чем-то плохом. Думаю, пятно на его ботинке — обыкновенная грязь.

— Допустим, — задумчиво протянула Наташа. Она решила принять версию Вероники насчет Аристарха Вениаминовича как рабочую, хотя сама не была столь уверена в его непричастности к последним странным событиям.

— А вот насчет того, что Бегемотик — жертва, мы можем и ошибаться, — Вероника решила выдвинуть еще одну гипотезу, — может быть, все наоборот: Матвей Тимофеевич сам совершил страшное преступление, возможно, убийство и скрылся, чтобы избежать ответственности.

— Да нет, это совсем уж как-то неправдоподобно, — возразила Наташа. — И потом, кто ж тогда жертва? Ведь кроме Бегемотика никто не пропал.

— А может, и пропал, просто мы пока не знаем. Может, Матвей Тимофеевич прикончил как раз того, кто звонил ему с угрозами.

— Слушай, надо пойти навестить Леночку. Расспросить у нее поподробней обстоятельства странного телефонного разговора, невольной свидетельницей которого она стала, оказавшись в нужное время в нужном месте.

— Правильно! — поддержала Вероника. — А еще неплохо было бы пошарить в кабинете у Матвея Тимофеевича, может, там найдется что-то интересное, что прольет свет на события сегодняшней ночи.

— Ника, ты опять? — возмутилась Наташа. — Тебе одного взломанного кабинета мало?

— Ладно-ладно, — быстро согласилась Вероника, — к Лене так к Лене.

Подруги синхронно встали с кровати и через минуту уже стучали в дверь комнаты номер 7, которую занимала их одногруппница.

— Входите! — крикнула Лена.

Девушки зашли в комнату и разочарованно переглянулись. Одногруппница, с которой они хотели посекретничать, была не одна.

— Девочки, что в дверях стоите, проходите. Вы удачно пришли. Видите, мне Егор помогает к контрольной подготовиться. Присоединяйтесь.

— Я думаю, Егор и без нас справится, — улыбнулась Вероника, заметив, какая тень пробежала по лицу парня после слов Леночки. Видимо, ему куда приятней было заниматься поднятием уровня знаний подопечной с ней наедине.

— Да нет, я имела в виду — присоединяйтесь ко мне, вместе Егора будем слушать, а не присоединяйтесь к Егору — меня к контрольной готовить.

— Ладно, Лен, хоть так, хоть этак, мы только мешать вам будем. Занимайтесь, — сказала Наташа, и подруги ретировались.

— Жаль, что Егор совершенно не вовремя к Лене прискакал, — сказала Вероника, когда девушки вернулись на исходную позицию — удобно устроились на кровати в комнате Наташи.

— Ника, имей совесть, — рассмеялась собеседница, — для нас, может, и не вовремя, а

для Леночки в самый раз. Она же на прошлой неделе болела, тему пропустила, а завтра контрольная.

— Но мне не терпится все поскорее выяснить.

— Ничего, выясним. Гости должны покинуть общежитие не позже десяти вечера, а уже половина десятого. Через полчаса Егора в комнате Лены не будет в любом случае. Даже если он сам вдруг забудет о времени в компании нашей красавицы, то его выгонит вахтерша. А пока давай лучше обсудим, кого тебе указать в списках, о которых просил ректор.

— Точно. Совсем забыла, — стукнула себя по лбу Вероника. — Мне же нужно ему сегодня ответить.

— В первом списке, как я поняла, должны быть указаны те, благодаря кому ты узнала коды доступа, — направила мысли собеседницы в нужное русло Наташа.

— Да. Но тут, к сожалению, я не в курсе.

— В смысле?

— Понимаешь, я узнала их случайно. Эта информация появилась в моей голове из ниоткуда. Просто в какой-то момент я поняла, что знаю все о системе безопасности в кабинете ректора. Правда, потом оказалось, не совсем все — я не знала о камерах видеонаблюдения. Но зато все коды доступа ко всему, что запирается у Петра Ивановича, вся сложная семиуровневая система защиты сейфа — все это вдруг стало для меня известным фактом, информацией, которую, как мне показалось, я знаю всю жизнь.

— Хм, похоже, кто-то безграмотно задействовал методику Ко0, — проанализировав рассказ подруги, сделала вывод Наташа.

— Да, я тоже так подумала. Кто-то для кого-то создал дубль важной информации, но по ошибке передал его мне.

— Или был создан неуничтожимый дубль, который записали на некий носитель, а носитель был поврежден. Куда-то ж надо деваться информации — вот она и выбрала себе другой носитель — твой мозг.

— А разве информация сама выбирает себе новый носитель, если прежний уничтожен? — удивилась Вероника.

— Не знаю, — пожалала плечами Наташа, — ведь это мы будем проходить только на третьем курсе.

— Ладно, в общем-то, не важно, кто и как выбирает новый носитель. Важно, что первый список для ректора будет пуст, потому что информацию я узнала случайно, из-за чьей-то, думаю, неумышленной ошибки. Потому как специально такой секретной информацией никто разбрасываться не будет.

— Хорошо, теперь второй список — кто спровоцировал тебя пробраться к ректору в кабинет и открыть сейф. Похоже, этот список не будет пуст — там будет фигурировать Никита.

— Хоть этот задавала сто раз заслужил, чтобы его сдали, но все-таки я этого делать не буду. Во-первых, уж он-то точно не причастен к пропаже документов ректора, а во-вторых, все-таки, если быть честной, пари спровоцировала я сама.

— Ладно, — кивнула Наташа, — тогда третий список — кто знал, что ты полезешь в кабинет?

— Опять же только Никита. Больше я никому не говорила. Но его и в третьем списке не будет по причине — смотри пункт 2.

— Тогда мы плавно переходим к четвертому списку: кто все время таскается за

тобой? — задала Наташа вопрос, ответ на который был для нее очевиден — опять и снова Никита.

Девушки посмотрели друг на друга. Прошла пара секунд, и вдруг они неожиданно и одновременно расхохотались. Их дедуктивный анализ совершенно ни к чему не привел. Почти по всем пунктам виновником выходил Никита, но обе они, даже та, которая считала парня несносным занудой, были абсолютно уверены, что их одноклассник к пропаже информации не имеет никакого отношения. Значит, получается, Веронике нечего ответить Петру Ивановичу ни на один из его вопросов. И спрашивается, что здесь смешного? Возможно, это и было бы смешно, если бы, как говорится, не было так грустно, но подруги хохотали несколько минут, хохотали до слез, до колик в боку — это было их ноу-хау, лучший способ снятия стресса. Они хохотали так громко, что едва смогли услышать стук в дверь. Девушки синхронно, как по команде затихли, и Наташа отозвалась:

— Заходите!

В комнату просунулась одна восхитительная стройная ножка, затем другая, не менее прекрасная, а затем и вся Леночка целиком появилась на пороге:

— Девчонки, я к вам посплетничать. Егора уже вахтерша выгнала. Ох, и злющая она сегодня. Говорят, ее третьекурсники достали. Ей надо было пол в холле протереть, а они воду в ее ведре заморозили. Правда, тупой прикол?! Вот мы через год гораздо изощренней ее разыграем.

— Разыграем, — согласились подруги хором.

— А вы чего так смеялись, аж в коридоре было слышно?

— Да так, — ответила Наташа, — эти шутники родео на снеговике устроили — умора.

— Ага, я тоже видела, забавно.

— Лен, да ты проходи, садись. — Наташа придвинулась поближе к Веронике, освобождая место на кровати для гостьи.

— Спасибо! — Леночка примостилась на отведенную ей территорию и начала: — Слушайте, девочки, я чего пришла, хочу рассказать вам про Бегемотика. Вы же для этого ко мне заходили, хотели про него расспросить, про этот его странный разговор по телефону?

Вероника почувствовала, как Наташа потихоньку коснулась ее руки. Это движение означало что-то вроде: «Надо же — гора сама пришла к Магомету!» Действительно, для подруг было большой удачей, что Леночка сама заскочила к ним в гости, да еще не просто так, а чтобы рассказать о том, о чем им не терпелось узнать.

— Да нет, — невинным голоском пролепетала Вероника, — просто так приходили — поболтать.

— А, понятно. Но я все равно вам про него расскажу, хорошо?

— Конечно, расскажи, — быстро согласилась Наташа. — Нам-то что? Нам любая тема интересна.

— Понимаете, девочки, я кроме как про него, про Матвея Тимофеевича, ни про что другое даже думать толком не могу. — Лицо Леночки исказила гримаса отчаяния. — Наверно, завтра контрольную на двойку напишу, потому что половину из того, что мне Егор рассказывал, не поняла.

— Ну, ничего, не расстраивайся. Никита тебе на что? — подколола Вероника и тут же получила локтем в бок от подруги.

— Да, Никиточка, — услышав имя своего соседа по парте, сразу повеселела Лена, — это моя последняя надежда. Он всегда готов помочь. Такой милый, правда, девчонки?

— Правда, — ответила Наташа и, сдвинув брови, глянула на Веронику. Та в ответ показала язык, но попытки подколоть гостью благоразумно прекратила.

— Так что ты хотела нам рассказать про Бегемотика? — Наташа попыталась вернуть к нужной теме разговора Леночку, немного сбитуую с толку напоминанием о Никите.

— Девочки, — сделала страшные глаза гостья, — я точно знаю — про Матвея Тимофеевича нам солгали. Ну, про то, что он в командировке.

— Почему?

— Понимаете, ему угрожали, шантажировали его чем-то.

— Шантажировали?

— Да. Я вчера вечером к нему подходила с просьбой, чтобы он мне помог в новой теме разобраться. Он такой, как всегда, вежливый был и обходительный. Ладно, говорит, помогу, приходите завтра ко мне после занятий. Я поблагодарила его, попрощалась и уже практически вышла за дверь, но в этот момент ему кто-то позвонил. Мне стало интересно, и я немного притормозила. Ой, девочки, как я сейчас жалею, что не убралась вовремя. А все мое дурацкое любопытство.

— Лен, да ты не расстраивайся, мы все из-за чрезмерного любопытства страдаем, — попыталась поддержать одногруппницу Вероника. Она неожиданно прониклась искренним сочувствием к подруге по несчастью. Она сама сегодня целый день корила себя за то, что сунула нос куда не надо.

— А почему ты решила задержаться? Что такого интересного было в обычном телефонном звонке? — спросила Наташа.

— Меня не сам звонок удивил, а реакция на него Бегемотика. Он очень испугался — прям затрясся весь. Сразу испарина на лбу выступила, и видно было, что у него ноги подкашиваются. Я боялась, он к креслу своему не успеет подойти — грохнется где-нибудь посреди кабинета. Но до кресла он все-таки дотянул, рухнул в него и начал бормотать виноватым голосом: «Я еще не готов... мне нужно еще немного времени...» А потом жалобно так: «Не надо... все под контролем... она под присмотром...» А потом вдруг аж подпрыгнул в кресле — наверно, с того конца провода прозвучала какая-то страшная угроза, потому что он наконец-то согласился с тем, что от него требовали. Говорит: «Хорошо, сегодня приступим». А я, заметив, что он закончил разговор, вышмыгнула из кабинета, чтоб под горячую руку не попасть.

— Но из того, что ты видела и слышала, совершенно не следует, что Матвей Тимофеевич не мог сегодня в командировку уехать, — произнесла Наташа спокойным голосом, как только Лена закончила свое взволнованное повествование.

— Нет, девочки, следует! Не зря же слухи по Универу поползли, что с Бегемотиком что-то случилось. Те шантажисты его угрохали.

— Да нет же, Лен! Слухи есть слухи. А подслушанный тобой разговор, наоборот, доказывает, что Матвей Тимофеевич в командировке. Что-то случилось, ему позвонили — сообщили, и он поехал улаживать дела.

— Думаете? — с надеждой в голосе переспросила Леночка.

— Конечно! — выпалили Вероника и Наташа одновременно и утвердительно покачали головами.

— Ой, девчонки, у меня камень с души свалился. Наверно, действительно зря я так разволновалась. Вот и Никита, и Егор мне то же самое сказали — нечего паниковать.

— Так ты и Егору рассказала про свои похождения в кабинете проректора?

— Ну да, он сам спросил.

Вернувшись от подруг в свою комнату, Вероника приступила к написанию ответа ректору. Что ему сообщить, долго думать не пришлось. Письмо состояло из сплошных «не знаю».

Нажав кнопку «отправить», Ника невольно вздохнула. Наверняка отписка, которую она только что сочинила, вызовет у Петра Ивановича гнев. Не завидовала она тому, кто окажется рядом с ректором в момент, когда он закончит изучать письмо. Несчастному придется испытать на себе все прелести суперзлого состояния Петра Ивановича.

Вероника понимала, еще парочка таких отписок, и она может запросто вылететь из Университета. А ей очень не хотелось этого не только потому, что учеба в необычном вузе казалась захватывающим приключением и она нашла здесь замечательных друзей. Была еще одна причина, почему ей было горько возвращаться домой. Там, в родном маленьком белорусском городке, Веронике все напоминало о двух нежно любимых близких людях, трагически погибших три года назад.

Именно поэтому, когда она выбирала, в какой Университет будет поступать, обращала внимание на два критерия. Она хотела, чтобы это был передовой в научном плане вуз, и чтобы он был расположен как можно дальше от дома. Настолько далеко, чтобы появляться в родном городе только на каникулах. Она надеялась, что это даст возможность пережить потерю, сгладит боль утраты, позволит смириться...

Глава 5. Беседа в разных весовых категориях

— Почему ты ничего не сказал про камеры видеонаблюдения? — Маленький тщедушный человек тряс за грудки огромного грузного мужчину, с лица которого градом стекал пот.

— Я... я не знал, — оправдывался тот, не предпринимая ни малейшей попытки остановить коротыша, которого при желании мог бы одной рукой отбросить на метр, потому как человек едва доходил ему до плеча и был тоньше в три раза. — Их установили совсем недавно. Я... я был не в курсе.

— Ты все испортил! Я знал, что такому хлюпику ничего нельзя доверять. Теперь тебе и твоему отродью — конец! Слышишь, толстячок — конец! — Коротыш еще раз потрянул со всей силы мужчину и, одарив презрительным взглядом, отпустил.

— Но я же все исправил, подчистил...

— Подчистил?! Но девчонка-то на записи все равно осталась.

— Ты же знаешь, девчонку я убрать не мог. Зато все остальное стерто. Теперь запись выглядит так, будто эта дура залезла в кабинет и напакостила там из-за подростковой глупости. Никто ни о чем не догадается — вся вина лежит на ней.

— Пожалуй, здесь ты прав, — слегка смягчился человек. — Ладно, пока живи. Но учти, у тебя осталось две недели, чтобы найти информацию, которая из-за второй твоей оплошности попала не туда, куда планировалось. Иначе сам понимаешь, что с тобой и твоим прихвостнем будет.

— Я постараюсь... — промямлил мужчина. Он не решился возразить, что как раз в том, что информация попала не туда, куда нужно, был виноват не он, а его разгневанный собеседник. Не решился, потому что знал его тщедушный подленький начальник мог назначить виноватым любого, кого пожелает, спорить было бесполезно и, самое главное, опасно.

— Куда ж ты денешься, трусливое ничтожество?! — криво усмехнулся коротышка. — Иди. Пока свободен.

Как только мужчина услышал, что его отпускают, он пулей выскочил из крохотного здания, которое его тощий владелец, казалось, использовал только для того, чтобы унижать в нем своих подчиненных. Судорожно глотнув освежающего морозного воздуха, толстяк быстро, насколько позволяло его грузное телосложение, пошел куда-то по едва заметной тропинке. Отойдя метров на сто от ненавистного ему дома, он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился отдышаться. Лицо от замерзающих на нем капелек пота начало неприятно пощипывать. Достав из кармана носовой платок в красно-синюю клеточку, мужчина вытер лоб и щеки и продолжил свой путь по заснеженной тайге уже не спеша.

Первый бой он выиграл. Вернее, не проиграл. Теперь его задачей было ничего не делать, просто тянуть время, балансировать между противоположными интересами двух шантажистов. Первый, с которым толстяк только что разговаривал, тщедушный злобный старикашка, пожалуй, был не так опасен. Он не видит дальше своего носа и не может просчитать ситуацию на пару шагов вперед. Мужчина легко обведет его вокруг пальца.

Со вторым сложнее. Тот хитер и жесток. Ни перед чем не остановится ради достижения своей низменной цели. Нет, толстяк не боялся ни одного, ни второго. Они оба были ему омерзительны. Но подлым отморозкам удалось нащупать его слабое место. Они поняли, что

он уязвим. И это очень усложняло задачу. Как, не предав самого себя, спасти жизнь тому, ради кого единственного есть смысл жить?

Глава 6. Еще одно пари

Вероника стояла в одном из холлов Университета, уставившись отсутствующим взглядом в массивную дверь аудитории, где проходили заседания Дисциплинарного совета. Через несколько минут уважаемые члены Совета должны будут занять свои места и приступить к обсуждению поступка студентки. В общем-то, поступок выеденного яйца не стоил, если бы у него не было длинной предыстории. Из-за этой злосчастной предыстории Вероника теперь стояла перед выбором: признаться членам Совета об истинных причинах своего проступка и тогда быть отчисленной ректором из-за того, что нарушила его требование, или солгать членам Совета, на чем настаивал Петр Иванович, и быть отчисленной за вранье, ибо то, что она говорит неправду, станет понятно с первого ее слова. Ведь ей так и не удалось влюбиться в Никиту.

Придуманный вчера подругой и старательно выполненный сегодня самой Вероникой трюк из методики G9°9, к сожалению, не сработал. Любимица преподавателя физики благополучно решила на контрольной по этому предмету два варианта задач: свой и тот, что достался Никите. Но парень на протянутый Вероникой листочек с готовыми ответами посмотрел совершенно без энтузиазма и, недоуменно пожав плечами, сказал, что и сам прекрасно справился. В итоге, к моменту, когда заседание Совета должно было вот-вот начаться, Ника испытывала к Никите не то что любовь или хотя бы безразличие, а ярко выраженную, оформленную в виде глубоко осмысленного чувства ненависть.

— Добрый день, Вероника, — вывел студентку из потока бессвязных мыслей ректор, спешащий на заседание Дисциплинарного совета.

— Добрый, Петр Иванович, — невесело откликнулась она.

— Ну, не стоит так переживать, — поддержал профессор второкурсницу, заметив, что ее настроение на нуле. — Совет всегда делает снисхождение влюбленным.

Вероника никак не прокомментировала реплику ректора, только грустно вздохнула.

— У тебя, надеюсь, получилось с G9°9? — строго спросил профессор.

— Получилось, — зачем-то солгала Ника.

Петр Иванович насторожился. Он пристально посмотрел в глаза студентки в течение нескольких секунд, а потом вдруг улыбнулся:

— Ну, молодец-молодец. И, кстати, ты рановато пришла. Первым будет разбираться поступок Никиты Беляева.

— Как Никиты? А что он уже успел натворить? — встрепелась Вероника.

— Как что? Разве ты не знаешь? Несанкционированное проникновение в общежитие девушек вчера ночью. И обрати внимание, — Петр Иванович предупреждающе глянул на Веронику и перешел на шепот, — он лез к тебе в общагу не за моей ручкой, а представляешь, какое совпадение, — потому что неожиданно влюбился в тебя.

Профессор, сообщив студентке все, что хотел, нырнул в зал заседаний, оставив собеседницу в легкой растерянности. Вероника, которая еще пару минут назад была занята рассуждениями на тему, как сильно она ненавидит заносчивого одноклассника, вдруг испытала к нему что-то вроде сочувствия. Ника поняла, что кто-то видел, как Никита залез к ней в общагу, и наябедничал об этом Дисциплинарному совету. А ректор, не желая, чтобы инцидент с его ручкой, а следовательно, и с пропавшей информацией получил огласку, видимо, потребовал от Никиты того же, что и от набедакурившей студентки, —

притвориться влюбленным. А что из этого выйдет? Парень солжет членам Дисциплинарного совета, те временем его выведут на чистую воду, и все — прощай Универ?! Никиту отчислят следом за Вероникой. Нет, ей решительно не хотелось, чтобы из родного вуза выгнали ее, а в придачу еще и одноклассника, будь он хоть сто раз самым вредным.

Ну вот, легок на помине — к дверям зала заседаний уверенной походкой шагал Никита. Его лицо не выражало ни капли волнения, что ужасно разозлило Веронику — она тут стоит, за него переживает, а ему хоть бы хны. Ника в экстренном порядке придала лицу выражение безразличия и чуть-чуть вздернула подбородок, чтобы у задавалы, не дай бог, даже мысли не промелькнуло, что она чем-то встревожена.

— Заседание еще не началось? — спросил Никита, подойдя к Веронике.

— Нет. А чего ты так торопишься? Не терпится из Универа вылететь? — Ника одарила парня ехидной улыбкой.

— Почему это я должен вылететь? Боюсь, отчисление, наоборот, грозит тебе, — усмехнулся Никита.

— Как же, как же, — съязвила Вероника, — я-то выкручусь, у меня железная отмазка, а вот у тебя — без вариантов.

— Это у меня-то без вариантов?!..

Какой-то странный звук, непонятное торопливое цоканье, заставило молодых людей поставить на паузу свою содержательную беседу и обернуться. По коридору со страшной скоростью неслась Наташа. Она еле-еле справлялась с сумасшедшим темпом бега. Ее золотистые кудри подпрыгивали на плечах синхронно с движениями ног, а пылающие веснушки, которые были заметны с большого расстояния, выдавали крайнюю взволнованность. Вероника следила за приближающейся к ней подругой с замиранием сердца — ей казалось, она вот-вот грохнется на пол. Зачем она мчится на такой скорости по скользкому полу, да еще и на таких высоченных каблучищах?

— Наташа, осторожней! — крикнула в отчаянии Вероника.

Но было поздно. Произошло именно то, чего она больше всего боялась: у подруги подвернулась нога и она, не добежав до одноклассников каких-то полметра, рухнула на пол.

— Ой! — вскрикнула Наташа. — Господи, как больно!

Молодые люди как по команде ринулись на помощь девушке. Никита приподнял ее и подхватил за талию, а Вероника тянула за руки.

— Наточка, ну что ж ты так неосторожно? Сильно ушиблась? — сокрушалась Ника.

— Сильно! Ужас как нога болит! Наверно, растянула.

— Ты опирайся на меня. Сейчас мы тебя поднимем и в медпункт отведем. А там дадут что-нибудь обезболивающее, — подбадривал Никита.

Наташа, уже практически поднятая на ноги совместными усилиями ребят, вдруг как-то неловко дернулась, по всей видимости, от пронзившей ее невыносимой боли, и снова повалилась на пол, лишив поддерживающих ее ребят равновесия, и Вероника с Никитой, налетев друг на друга, столкнулись лбами.

— Ой! — вскрикнули молодые люди одновременно.

Наташа самодовольно улыбнулась, и, перестав стонать и ойкать, спокойно поднялась на ноги. Ее одноклассники, потирая ушибленные лбы, глядели на нее с нескрываемым удивлением.

— Ну, ты как? Уже не болит? — поинтересовалась Вероника у подруги.

— А она и не болела, — хихикнула Наташа.

Никите не удалось услышать этот ответ, потому что из зала заседаний вышел секретарь и пригласил его зайти.

— Как не болела? — опешила Вероника.

— А вот так! — сияя, изрекла Наташа. — Это был спектакль, чтобы заставить вас с Никитой влюбиться по методике G9°9.

— Влюбиться?

— Вот именно! Вы же, когда лбами столкнулись, испытывали одинаковое чувство, правильно? Вот ты, например, о чем в этот момент думала?

— О тебе. Переживала, что ты сильно ушиблась.

— Правильно, надеюсь, Никита чувствовал то же самое.

— Да этот чурбан не способен на такие чувства! — выпалила Вероника.

— Черт! — с досадой выругалась Наташа. — Я что, зря старалась? Выходит, методика не сработала? Ты чего на Никиту наговариваешь? Так и не влюбилась?

У Вероники в голове пронесся ураган мыслей. И главная из них — она подвела подругу. Та придумала идеальный план, как спасти двух друзей от отчисления, чуть не расшиблась во время его реализации, а Вероника ведет себя как капризный ребенок.

— Нет, Наташ, сработало! Должно было сработать. Это я на Никиту накинулась по инерции, по старой привычке.

— Ой, не знаю, не знаю... — с сомнением покачала головой подруга. — Ты что-то почувствовала, когда вы лбами стукнулись?

— Конечно, почувствовала! — Вероника потеряла ушибленный лоб. — Еще бы не почувствовать — аж искры из глаз полетели.

— Это хорошо. А еще?

— Еще...

— Ну-ка, скажи, как Леночка — «Никиточка такой милый...»

— Ники... ки... точка... такой ми... Нет, Наташ, не мучай меня, как Леночка не могу.

— Ох, убила бы!

— Нет-нет, не отчаивайся, у тебя получилось. Я явственно ощущаю, что мое отношение к Никите поменялось. — Глубокое чувство благодарности за героическую попытку Наташи помочь подруге заставило Веронику попытаться убедить ее и по возможности себя в том, что эта попытка не была напрасна.

— Ну, хорошо, посмотрим. Недолго осталось ждать. Сейчас выйдет Никита, и мы все узнаем.

И действительно буквально через минуту из зала заседаний показался одноклассник. По его самодовольной физиономии несложно было догадаться, что все обошлось.

— Ну? — Наташа от нетерпения перетаптывалась с ноги на ногу.

— 25 часов общественно-полезных работ.

— И все?

— И все. Кто ж не войдет в положение бедного парня, крадущегося посреди ночи к своей возлюбленной, чтоб подарить ей цветочек? — усмехнулся Никита, а потом серьезно добавил: — Наташа, спасибо! Ты здорово нас выручила!

— Значит, получилось! — просияла девушка.

— Получилось! Я, правда, не сразу понял. Но в зале заседаний, до меня вдруг дошло, зачем ты так живописно растянулась прямо перед нашими глазами, а потом еще и столкнула нас лбами. Мне, в общем-то, и говорить ничего не пришлось. Петр Иванович поглядел на

меня и спросил строго: «Почему ты лез к любимой девушке ночью? Тебе что, дня мало, чтобы наговориться с ней?» Я еще и ответить ничего не успел, а он: «Предлагаю признать студента виновным и в качестве наказания назначить ему двадцать, нет, двадцать пять часов общественно-полезных работ». Его предложение поставили на голосование, и оно набрало большинство.

Никита рассказывал еще какие-то подробности, но Вероника уже не слушала его. Она пыталась понять, получится ли у нее так же легко отделаться. Вроде бы никаких сомнений не должно было оставаться, но вся беда была в том, что Ника как ни прислушивалась к своим чувствам, все равно не могла понять, изменилось ли что-нибудь в ее отношении к Никите. Но все же переживала она напрасно — в зале заседаний с ней произошло в точности то же самое, что и с ее одноклассником. Петр Иванович так же пришел ей на помощь, и Веронике даже ничего говорить не пришлось. Потупив взгляд, Ника выслушала небольшую нотацию, и Совет, вынеся решение назначить провинившейся студентке в качестве наказания 25 часов общественно-полезных работ, отпустил ее.

— Девочки, пойдете в кафе, отметим благополучное завершение сегодняшних приключений, тем более мы из-за Совета все равно в столовку на обед опоздали.

— Угощаешь? — кокетливо спросила Наташа.

— Ну, само собой! Я ведь твой должник.

— А куда пойдём?

В общем-то, выбор был невелик. В Верхнетайгинске было всего три кафе.

— Давайте в «Стекляшку», — предложила Наташа, — там пирожные очень вкусные.

Компания молодых людей направилась в восточную часть кампуса, где располагалось небольшое уютное кафе с замечательной кухней и неброским интерьером. Самой примечательной деталью заведения были большие панорамные окна, за которые студенты и окрестили кафе «Стекляшка».

Ребята заняли столик возле стеклянной стены и сделали заказ.

— А вы и вправду стали меньше пререкаться, — хмыкнула Наташа, наблюдая за непривычно молчаливыми Никитой и Вероникой. — Мне вы, такие спокойные, больше нравятся. Может, не стоит все отыгрывать назад?

— Что? — возмутилась Ника. — Да я только потому и молчу, что думаю, как бы побыстрее и полочнее это сделать. Ну, в отличие от Никиты. Он-то, понятно, не хочет возвращаться в исходную позицию — наверно, рад до смерти, что хоть какая-то девчонка в него влюбилась.

— Я рад, что ты влюбилась?! — чуть не подпрыгнул на стуле Никита.

— Конечно, рад! Без методики-то в тебя никто не влюбится, в такого задавалу! — ехидно сощурившись, покачала головой Вероника.

— Это в меня не влюбится?! Да в меня, если захочу, без всякой методики любая девчонка влюбится. По мне и так полгруппы сохнет.

— Ну, кто-то, может, и сохнет, а я бы сроду не смогла влюбиться, если бы не G9°9.

— Смогла бы, если я бы захотел!

— А спорим, не смогла бы!

— Спорим!

Наташа уже и не рада была, что затронула эту тему. Она усиленно пихала под столом ногу Вероники, чтобы та прекратила перепалку, но заядлая спорщица вошла в азарт и не замечала попыток подруги оставить ее.

— Сколько тебе надо лет на осуществление своей мечты? Годиков так через 20 справишься? — продолжала подкалывать Никиту Вероника.

— Да мне и двух недель достаточно.

— Значит, на шоколадку? Наташа, разбей. — Вероника схватила Никиту за руку и ждала, что подруга символически утвердит пари, разомкнув руки спорщиков.

— Стой! А как мы проверим, кто выиграл?

— Хороший вопрос... — задумалась Вероника.

— А давай так: если ты сама меня поцелуешь, это будет означать, что ты влюбилась и проиграла спор.

Такое условие устраивало Веронику. Практически пари она уже выиграла, потому что ничто не заставит ее добровольно поцеловать самого заносчивого парня в группе.

— Идет. Ну, Наташа, разбей!

— Не буду я потакать глупым пари! — отозвалась подруга. — Может, вы вспомните, чем закончился ваш предыдущий спор?

— Наташ, но это пари совершенно безобидное, — лукаво подмигнул Никита, — если я проиграю, вообще ничего не произойдет, а если выиграю, а я, конечно, выиграю, то что ж — я не заразный.

Наташа, поразмыслив над словами парня, решила подыграть спорщикам, но лишь только потому, что это безобидное с точки зрения последствий пари, быть может, отвлечет ее друзей от других взрывоопасных споров.

— Ладно, так и быть. — Наташа символическим ударом разомкнула руки спорщиков и этим запустила двухнедельный отсчет, отведенный на выполнение условий пари.

— Отлично, — потерла руки Вероника, — теперь только осталось для начала отыграть все назад к исходной, так сказать, позиции.

— А я уже нашел семь отрицательных черт в тебе, то есть через сутки...

— Стоп! — перебила Никиту Наташа, сверкая саркастической улыбкой. — Вы же уже должны были разлюбить друг друга без всяких семи отрицательных черт.

— Почему? — хором удивились Вероника и Никита.

— Ну как же?! Вы что, не поняли? Вы же только что касались друг друга, испытывая при этом искренние горячие и совершенно противоположные чувства: Вероника хотела выиграть спор, то есть не целовать Никиту, а Никита, напротив, пламенно желал этого.

— А, ну да, — скривилась Вероника, — прямо ощущаю, как нечто, что я испытывала к Никите, перерастает во что-то такое... брр...

Ника подбирала слова поязвительней, и ожидала, что услышит в ответ от Никиты нечто подобное, но тот молчал и обезоруживающе улыбался. Так что, обратная методика все-таки не подействовала? Чего это Никита лыбится? Или... Точно! Этот задавала уже приступил к плану обольщения Вероники. Она тут же на всякий случай перевела взгляд на Наташу, потому что собиралась не дать Никите ни единого шанса выиграть спор.

Глава 7. Краткость — сестра таланта, а молчание — ЗОЛОТО

Вероника и Наташа стояли перед лекционным залом, где должна была проходить первая пара. Подруги не спешили зайти в аудиторию, потому что до начала занятий оставалось больше десяти минут, а насидеться за учебный день они еще успеют.

— Девочки, привет! — поздоровался подошедший к ним Никита.

Вероника вскользь окинула парня взглядом. Ей было интересно, какую тактику оболъщения он изберет. Во внешнем виде одноклассника не произошло ровным счетом никаких изменений: его небрежная прическа не приобрела аккуратных очертаний, да и одет он был в точности в то же самое, что и вчера. Что ж — надо отдать Никите должное: по крайней мере, он придумал что-то покреативней, чем сразить Веронику своей внешностью.

— Привет! — снисходительно улыбнулась она и направилась в сторону входа в аудиторию, оставив парня в компании Наташи. Вероника решила, что пока она не раскусит тактику Никиты, она не будет давать ему форы, то есть не предоставит возможности общаться с ней.

Ника пристроилась за свою парту, ожидая, что подруга тоже вот-вот присоединится к ней. Однако Наташа появилась в аудитории только через несколько минут одновременно со звонком, оповещающим о начале занятий. Она прошла мимо Вероники и почему-то села за парту сзади, а вошедший в лекционный зал следом за Наташей Никита бесцеремонно плюхнулся на место, которое всегда по праву принадлежало рыженькой подруге, а не нахальному брюнету.

У Вероники, обескураженной происходящим, тут же в голове родилась обличительная речь, состоящая из двух пунктов: о беспросветной наглости некоторых товарищей и о непростительном пособничестве врагам некоторых друзей. Пламенный спич, который должен был закончиться решительным требованием отменить странную рокировку, уже готов был сорваться с губ, но был остановлен не менее взволнованными словами неожиданного союзника.

— Никиточка, как же так? Ты почему от меня пересел? — хлопая длинными ресничками, растерянно спросила Леночка.

Никита поднялся с места и подошел к бывшей соседке по парте. Наклонившись к аккуратненькому ушку одноклассницы, он что-то прошептал ей. И — о чудо! Губы Леночки расплзлись в счастливой улыбке:

— А-а-а, понятно. Спасибо, Никиточка!

Вероника совсем потеряла дар речи и забыла, что там такого пламенно-обличительного хотела сказать. С толку ее сбивал вопрос, как этому прохвосту Никите удалось заставить двух девушек плясать под его дудку, а одну из них еще и благодарить его за это. Она собиралась срочно выяснить, чем парню удалось подкупить одноклассниц, но нарушил ее планы вошедший в лекционный зал профессор Валентин Семенович.

— Добрый день, молодые люди! — поприветствовал он студентов сухим скрипучим голосом.

Валентин Семенович, или Кощей, как называли его студенты за преклонный возраст и худощавое телосложение, читал предмет О9V1 — «свойства особых объектов неживой

природы, способных к аккумуляции в себе биоинформации», а проще говоря, свойства амулетов, оберегов и артефактов. Сама дисциплина и особенно практические занятия по ней входили у Вероники в число самых любимых, а вот преподавателя, который читал лекции, она, мягко говоря, терпеть не могла. Старый тощий профессор обладал прескверным зрением, но вместо контактных линз или хотя бы очков носил пенсне. И это в XXI веке! Но не факт пренебрежения к достижениям современной офтальмологии до глубины души возмущал Веронику. Ее раздражала закоснелость преподавателя, его пристрастие к догмам, нежелание разнообразить учебный процесс, сделать его соответствующим современности, да и к тому же Валентин Семенович был редким брюзгой. Ходили слухи, что профессор работает в Университете со дня его основания, то есть уже 65 лет, а это означало, что самому преподавателю уже под 90. Может, у кого-то вызвала бы уважение такая преданность профессии, но Вероника была искренне уверена, что Валентину Семеновичу давно пора на пенсию.

— Тема сегодняшней лекции амулеты Древнего Египта, — проскрипел профессор.

— Валентин Семенович, расскажите нам лучше про Большой бубен, — с места выкрикнул Никита.

— Что?! — взвизгнул преподаватель, обводя пристальным взглядом аудиторию. — Кто это посмел говорить без разрешения? В наше время за такое студента бы запросто выгнали с лекции...

— За что? — невинно пожал плечами Никита. — За тягу к знаниям?!

— Молодой человек, кто вам позволил меня перебивать? — продолжал брюзжать профессор.

— Акакий Акакиевич, — не моргнув глазом нашелся студент.

По аудитории прокатился смешок.

— Как понять? — нахмурился преподаватель.

— На прошлой лекции Акакий Акакиевич рассказывал нам про восточносибирское шаманское течение Улаха Еттэ, или «Обратная сторона». И про артефакт, который Объединенному ведьмовскому сообществу удалось заполучить, когда течение самоликвидировалось. Но подробней про этот артефакт профессор нам не стал рассказывать, сославшись на то, что это сделаете вы.

— Не мог он вам такого сказать, потому что нет никакого смысла изучать Большой бубен. Этот артефакт мертв, то есть он не работает, и никто не знает, есть ли заклинание, которое заставит его работать. Кроме того, несколько лет назад он был украден из хранилища ведьмовского сообщества.

— Украден?! И что, до сих пор не найден? — поинтересовался Егор, который, как только что заметила Вероника, уже успел воспользоваться тем, что Никита пересел, и занял его место возле Леночки.

— Его ищут, но не так интенсивно, как это делали бы, если украденный артефакт был живой.

— Наверно, артефакт обладал невероятной силой, раз заинтересовал кого-то, несмотря на то что мертв. Как вообще кто-то мог решиться на такой опасный поступок ради недействующей вещи? — теперь уже и Вероника решила вступить в разговор с лектором.

— Большой бубен действительно обладал интересными свойствами. Тот, кто умел играть на нем, мог задавать ритм Вселенной. Но артефакт мертв, так что украден был, скорее всего, каким-то коллекционером просто как раритетная в ведьмовском мире вещь, ценная не

своей магической силой, а интересной историей.

— А что значит «задавать ритм Вселенной»? — поинтересовалась Вероника.

— Это значит — управлять временем.

Новая формулировка не стала девушке понятней, поэтому она снова переспросила:

— А что значит «управлять временем»?

— Так, стоп! — Валентин Семенович вдруг со всего маху хлопнул ладонью по учительскому столу. — Почему вы, Двинская и компания, постоянно уводите меня от темы занятия?! Повторяю, сегодня мы говорим об амулетах Древнего Египта. А кто посмеет еще раз перебить меня, будет выгнан с лекции и, более того, о его дерзком поведении будет сообщено Дисциплинарному совету.

Последняя угроза отбила желание как у Никиты, так и у Вероники продолжать злить лектора — попасть два раза подряд на заседания Совета было бы слишком опасно. Им пришлось сосредоточиться на конспектировании слов профессора, ведь тот, конечно, запомнил, кто терзал его вопросами, и на следующем занятии начнет опрос с излишне любопытных студентов. В отличие от других преподавателей Валентин Семенович не потрудился залить конспекты своих лекций в университетскую электронную библиотеку, а это означало, что надо по старинке переносить слова педагога ручкой на бумагу.

— Слушай, Никита, — не выдержала в середине лекции Вероника. Она хоть и старалась вникать в повествование Валентина Семеновича, но все равно продолжала терзаться мыслью, каким образом ее одноклассник ухитрился оказаться с ней за одной партой, при этом никого не обидев и не разозлив, но это, конечно, не считая самой Вероники. — Что ты там Леночке на ухо нашептывал?

— Да так, ничего, — самодовольно улыбнулся Никита.

— Говори, — процедила Ника, — а то получишь у меня.

— Поцелуешь — скажу.

— Ага. Щас.

— Ладно уж, — снисходительно прошептал Никита. — Я ей сказал, что пересесть меня попросил Егор. Что Леночка ему очень нравится и все такое.

— Егор и правда просил?

— Когда-то просил, а вот сегодня я подумал-подумал да и решил, почему бы не помочь хорошему парню.

— Значит, ты временно на две недели уступил Лену Егору, чтобы выиграть у меня пари? — ехидно прошептала Вероника.

— Ну, что-то вроде того, — хмыкнул Никита.

— А ты не подумал, что не факт, что Леночка потом снова переключится на тебя? А? — злобно сверкнула глазами Ника.

— А вдруг мне не захочется переключаться на Леночку, — подначил Никита, — вдруг ты так меня поцелуешь, что я...

— И не мечтай. Никакого поцелуя не будет. Лучше возвращайся на свое старое место, пока не лишился своей единственной дыхательницы.

Звонок, возвестивший об окончании первой пары, заставил молодых людей прекратить пикировку и осознать, что содержание второй половины лекции осталось для них тайной.

— Ника, вы чего с Никитой всю лекцию перешептывались? — подмигнула Наташа подруге, когда они вышли из лекционного зала и направились в другую аудиторию. — Раскусила, что он там придумал, чтобы тебя охмурить?

— Наташ, да что он умного может придумать? Вот весь его план, видимо, в этом и состоит — крутиться у меня перед глазами, пока меня тошнить от него не начнет. И вообще, зачем ты ему подыграла? — нахмурилась Вероника.

— Это все для твоего же блага, — начала объяснять подруга. — Сегодня перед первой парой он мне сказал, что выполнит любое мое желание, если я соглашусь две недели посидеть за другой партой.

— Ого, любое?! — Глаза Вероники заискрились. — Ну? Ты придумала что-нибудь этакое?

— Какое этакое? — засмеялась подруга.

— Например, чтобы он на перемене залез на учительский стол и громко прокукарекал три раза.

— Господи, Ника, что за детский сад! Я придумала кое-что получше.

— Ну?

— Я взяла с него обещание, что он больше никогда не будет заключать с тобой пари.

— Наташ, ну это же так скучно... — разочарованно протянула Вероника.

— Зато благоразумно! — ответила подруга, придав голосу поучительную интонацию старшей сестры. Вообще-то девушки были ровесницами, но по непонятной причине Наташа чувствовала ответственность за свою бедовую подругу, с которой у них было удивительное душевное родство и диаметрально противоположные темпераменты.

— Слушай, а на практические занятия этот ваш договор тоже распространяется? — ужаснулась Вероника. До ее сознания дошло, что ближайшие две недели ей придется делать лабораторные работы в паре с Никитой.

— Распространяется. Но не сокрушайся уж так, — улыбнулась Наташа, почувствовав нотки паники в голосе подруги, — это же всего на несколько дней.

Девушки зашли в аудиторию, где должна была проходить вторая пара — практические занятия по предмету Р31i, «запись и чтение информации с астрономических объектов вселенского масштаба», а проще говоря, астрология.

Никита уже сидел на отвоеванном хитростью месте и поджидал Веронику. Стрельнув в его сторону колючим взглядом, она пристроилась рядом, а ее подруга опять заняла парту сзади. Веронике не нравилась перспектива делать лабораторные работы в паре с Никитой, ведь это, как правило, предполагало тесное сотрудничество, а как можно сотрудничать с человеком, который на спор решил влюбить тебя в себя? Но если попробовать оценить ситуацию с разных сторон, к чему всегда призывала ее рассудительная Наташа, то можно заметить и плюсы от такого вынужденного сотрудничества. У Вероники уже было две двойки по предмету Р31i за неправильно выполненные работы, а в паре с Никитой у нее наверняка появится шанс исправить оценки, не зря же он — отличник по всяким цифро-буквенным предметам.

В аудиторию вкатился молодой розовощекий профессор Павел Борисович. Именно вкатился — он умел так быстро перебирать своими короткими ножками, что складывалось впечатление, что передвигается преподаватель на цирковом колесе. Между собой студенты именовали Павла Борисовича не иначе, как Колобок — то ли за эту его способность к плавному передвижению, то ли за абсолютно лысую большую и, несомненно, очень мудрую голову.

— Здравствуйте, дорогие мои! — обратился профессор к второкурсникам. — Сегодня у нас преинтереснейшая тема: персональные послания.

У Павла Борисовича все студенты были «его дорогими» и все темы были «преинтереснейшими». Объяснялось это тем, что сам профессор являлся на удивление добродушным и легким в общении человеком, неисправимым оптимистом и где-то даже идеалистом.

Павел Борисович принялся объяснять новую тему, перекатываясь из одной части аудитории в другую и отчаянно жестикулируя, видимо, чтобы облегчить студентам усвоение материала.

— Дорогие мои, вы немного уже научились читать по звездам и знаете, что астрологическая информация рождается не самими небесными светилами. Они только являются ее носителями, в чем-то похожими на бумагу, на которой напечатаны ваши учебники, или, к примеру, на электронную память смартфона нашей Леночки, которая уже десять минут что-то увлеченно читает с экрана вместо того, чтобы слушать лекцию.

Студенты захихикали, а Леночка, покрывшись румянцем, быстро выключила свою игрушку и спрятала в сумочку. Если бы включенный смартфон заметил какой-нибудь другой преподаватель, то наверняка выгнал бы студентку из аудитории, еще и пригрозив Дисциплинарным советом, ведь пользоваться телефонами во время занятий было категорически запрещено, но добросердечный Павел Борисович удовольствовался лишь вскользь произнесенным замечанием.

— Так вот. Сегодня мы и поучимся заносить информацию на звездное небо, — продолжил профессор, сопроводив одобрительным взглядом благоразумные действия проштрафившейся студентки. — Для начала это будет небольшое персональное послание. Буквально несколько слов. Каждый работает в паре со своим соседом по парте. Задание понятно?

— Не совсем, — откликнулся Дима, который остался без напарника, после того, как его друг Егор получил возможность сидеть рядом с Леной. — Что это должно быть за послание? И как мы можем его оставить, если сейчас день и звезд не видно.

— Послание может быть любым. Все что захотите. Но минимум три слова. А для того чтобы его оставить, не обязательно видеть звезды. Видеть их нужно, чтобы читать. Я вам расскажу методику, и вы сможете залить свои мессиджи прямо сейчас. А вечером каждый из вас прочтет то, что его сосед по парте хотел ему сказать. Понятно?

— Да. Теперь понятно. Но кому мне писать послание, если мой сосед по парте сбежал? — с грустной улыбкой развел руками Дима.

— Работайте в паре с Наташей. У нее сегодня, похоже, тоже нет напарника.

Павел Борисович самозабвенно стал объяснять методику второкурсникам, а те старательно выполнять все его инструкции, и когда до конца пары оставалось минут 10, у профессора сложилось впечатление, что все студенты готовы к финальной части задания.

— Теперь вы все знаете — приступайте! — весело скомандовал преподаватель и, наконец прекратив носиться по аудитории, уселся за учительский стол.

Вероника посмотрела на Никиту. Тот сидел сосредоточенный, с легкой улыбкой на губах. Все понятно — записывает для нее какую-нибудь гадость, еще и улыбается, представляя, как перекосит Нику, когда она прочтет его мессидж. «Ну, сейчас я тебе тоже такого напишу!» — злорадно подумала Вероника, перебирая в голове варианты пообидней. Может вот так: «Никита — ты осел!», или «Такого идиота я еще не встречала», или «Что ты пялишься на небо как придурок?». У Ники было еще много идей, но вспомнив о том, что краткость — сестра таланта, она все же решила остановиться на первом варианте.

Вероника сосредоточилась. Еще секунда — и звездное небо отобразит на себе ее слова... Стоп! Она ощутила, как непонятное еле заметное щемящее чувство прокатилось в ней. Что за ерунда? Ника передернула плечами, чтобы стряхнуть с себя то, что мешает ей выполнить задание профессора. Но оно, это странное чувство, не стряхивалось, а наоборот, расползлось по ней и постепенно добралось до головы, трансформировавшись в мысль. И эта мысль категорически не нравилась Веронике, но факт оставался фактом — она не хочет, чтобы ее глупое обидное послание, в доли секунды преодолев миллиарды световых лет, отобразилось на далеких холодных и величественных ночных светилах только для того, чтобы позлить соседа по парте. Нужно было придумать что-то другое — нейтральное. Только что?..

Аудиторию заполнил веселый звонок, который означал конец занятия, а вместе с ним и всего учебного дня, ведь в расписании на субботу у второкурсников значилось всего две пары. Звонок затих, а Вероника ничего нейтрального так и не придумала и задание профессора осталось невыполненным.

— Ребята, попрошу еще минутку внимания, — обратился Павел Борисович к расслабившимся студентам. — Учитывая, что послания вы оставили персональные, я не смогу их прочитать. Так что за эту лабораторную работу оценки ставить друг другу будете вы сами. Надеюсь на объективность. А теперь можете расходиться. Веселых вам выходных, мои дорогие!

— Ну, кому выходные, а кому и общественно-полезный труд, — с сарказмом заметил Никита. — Вероника, ты же помнишь, нам с тобой после обеда нужно будет пять часов в библиотеке отработать.

— Помню, — вздохнула девушка. Прекрасная у нее выдалась суббота: во-первых, она уже заработала еще одну гарантированную двойку по Р31i, а во-вторых, впереди ее ждет пять часов общественно-полезных работ в пыльной библиотеке.

Глава 8. Астрологические послания

— Пойдем поужинаем в «Стекляшке», — предложил Никита, когда они с Вероникой вышли из университетской библиотеки, отработав свои пять общественно-полезных часов, — наверно, проголодалась?

— Не знаю, — равнодушно пожала плечами Ника. От усталости у нее не было сил даже на обычную пикировку. Кропотливая скучная работа навевала на нее тоску.

— Пойдем! Там же пирожные вкусные, — выдал веский аргумент Никита.

— Надо тогда Наташе позвонить, ее тоже позвать.

— Она, скорее всего, уже поужинала в студенческой столовой. Пойдем вдвоем.

— Это что, твой план по оболыщению в действии? — наконец нашла в себе силы съязвить Вероника.

— А ты думаешь, что ужин со мной несет реальный риск для тебя влюбиться в меня? — не остался в долгу Никита.

— Еще чего, — засмеялась Ника, — даже сто пятьсот ужинов тебе не помогут. Ладно, так уж и быть, пошли.

Молодые люди выскочили на улицу и направились по знакомому маршруту. Морозец был крепкий, градусов тридцать, не меньше, но для привыкших к сибирским холодам студентов сегодняшняя погода казалась вполне приятной для прогулок, тем более было безветренно и ясно. Небольшие сутулые фонари, примостившиеся по обеим сторонам дорожки, ведущей к кафе, выхватывали у темноты ровные яркие круги искрящегося синего снега. Веронике нравилось наступать на границу раздела света и тьмы, из-за этого некоторые шаги получались короткими, а некоторые — гигантскими. Никита с полуулыбкой наблюдал за затейной Никой нехитрой игрой, стараясь удержаться от подтрунивания.

[Купить полную версию книги](#)